

ЗАР

В НАСЛЕДСТВО

ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

18+

Улана Зорина

Улана Зорина

Дар в наследство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66244182

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-94466-4

Аннотация

Одна-единственная ночь перевернула жизнь юной студентки. И вот она уже мчит в нарядных санях навстречу коварной судьбе. Погружается в мистическую атмосферу католического костёла. Шагает по пыльным ступеням заброшки в самом сердце родного города. Вихрь событий закружил, увлекая за тонкую грань, где неважно – жива ты или твой труп уже давно сгнил в сырой земле под гнётом белого мрамора. Поможет ли цыганская колдунья вырваться из мёртвых объятий наивным подросткам, спасет ли малютку от злой куклы?

Содержание

Особая благодарность от автора	4
Сквозь века	5
Тайна Польского Костёла	30
Кукла	89
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Улана Зорина

Дар в наследство

Когда проснулся Родовой Дар, Велиана, совсем ещё девчонка, не испугалась. Она доверилась силам предков, так внезапно нахлынувшим и вместо того, чтобы кичиться своей вседозволенностью, она предпочла помогать. В борьбе со злом, она научилась управлять своими силами. Не требуя ничего взамен, Велиана спасала невинных и грешных, глупых и обманутых. Обо всех сверхъестественных событиях ты можешь прочитать на страницах сборника «Дар в Наследство»

Особая благодарность от автора

Рассказ «ИЗЫДИ» написан в соавторстве с молодым и очень перспективным прозаиком–иллюстратором Эстеллой Грант.

Дорогая моя девочка, спасибо тебе за твой титанический труд в написании столь замечательной истории. Без тебя и твоей неумной фантазии «ИЗЫДИ» никогда бы не родился!

Сквозь века

*Что в мире есть страшнее Цыганского Проклятья?
Только Проклятие умирающей цыганки!*

*Сквозь льды, сковавшие навеки,
Ты протяни скорее длань,
Пусть дрогнут смёрзшиеся веки,
Отхлынет от души печаль.
Твоё спасение пред тобою,
Попробуй жажду превозмочь.
Обними призрачной рукою
Народа кочевого дочь.*

Пролог

Зима в этом году выдалась суровой. Снежные шубы пышно укутали деревья, устлали дорожки пушистым ковром. Морозный день плавно переходил в студёные сумерки. Город медленно затихал, рабочий люд уныло прятался по домам, редкие экипажи проносились по скользким улочкам, рискуя покалечить усталых рысаков. С приходом ночи жизнь в городе замирала. Но не сегодня.

Величественный особняк сверкал яркими огнями. Громко отыгрывал резвые пляски неутомонный оркестр. Купчи-

ха Анна Филипповна Гладакова давала богатый приём, да и сама дама 74 лет от роду веселилась вовсю. Блистая драгоценными камнями на пышном платье, она посвящала юных девиц в таинственные обряды святочных гаданий. Сморщенное, как печёное яблоко, лицо благородной старухи светилось неподдельным ликованием: «Вот и еще один год протянула, а ноги не протянула!» – жеманно хвалилась она, выслушивая в ответ лестные комплименты и неискренние восхваления. Всё дворянство славной Курской губернии имело честь присутствовать на данном празднестве.

Веселье было в самом разгаре, когда кто-то особо разбитой из золотой молодёжи предложил ночное катанье на санях! Гости в азарте радостно поддержали, и прислуга опрометью бросилась исполнять пожелание столь высоких особ. Вот множество саней заполнили Троицкую улицу и половину Сергиевской в ожидании благородных кутил. Разбуженные лошади испуганно фыркали, переступая копытами. Ночной город был пуст, и никто не препятствовал гуляющему дворянству пронестись с ветерком под сияющим ликом полнобкой луны в хрустальной тишине святочной ночи.

– Помилуйте, барыня! Куда же вы? – бежал за Анной Филипповной встревоженный кучер. – Как же можно! – помогая подняться и занять его место на облучке блистательной особе, возжелавшей самой править санями.

– Да темно же, хоть глаз выколи! А коли случится дурное?!

— А ты меньше каркай, Пахом! Я дольше живу, и сама уж с конями управлюсь! Не смей мне перечить, холоп! — горделиво вытянув тощую шею, купчиха уселась на мягкие шубы, что Пахом успел подсунуть под тощий благородный зад перед тем как, склонившись, попятился. Высокий особняк ярко освещал дорогу, и горячая бравада кипела в крови, не давая и шансу тревожному страху.

— Пошла! — купчиха взмахнула вожжами, и белые рысачи рванули вперёд. Сидевшие в санях гости весело кричали, в хмельном угаре с завидной регулярностью бряцали бутылками, разливая шампанское и щедро расплёскивая друг на друга.

Шумный кортеж, миновав полгорода, не сбавляя скорости, мчался вперёд. Гремели тосты, звякали бокалы, визжали облитые игристым дамы, рассыпались в извинениях сконфуженные кавалеры, заверяя красавиц в самых благородных намерениях. Щёки Анны Филипповны покраснелись, глаза слезились от укусов морозного ветра, трясущиеся руки едва держали жёсткие вожжи. Резво вывернув на Цыганский бугор, сани нещадно подпрыгнули, купчиха покачнулась, пальцы ослабли и разжались. Охнув, старуха принялась елозить в ногах, нащупывая грубые поводья. Сани круто повело на скользкой дороге, рысачи испуганно заржали, вскидываясь на бегу, выворачиваясь из упряжи. Пассажиры завопили, лихорадочно толкая друг друга и вываливаясь из скособоченной повозки. Анна Филипповна, выпучив глаза, истошно

орала, изо всех сил хватаясь за устилающие облучок шубы.

Никто не заметил тоненькую девушку, застывшую в страхе на краю дороги. В огромных чёрных глазах плескалось безумие, бледные губы что-то быстро шептали, а в руках извивался в крике укутанный в хламье чернявый малыш.

Дубовые сани с орущей старухой, переваливаясь набок, неслись прямо на них. Онемевшие ноги не слушались, словно попав в паутину, девушка не могла двинуться с места, незримая сила сковала замёрзшее тело. Глядя в глаза своей смерти, в последний момент она всё же смогла побороть оцепенение и отбросить в сугроб драгоценную ношу. Выставив перед собой сверкающие браслетами смуглые руки, цыганка закричала:

«Убийца легко не умрёт, покоя нигде не найдёт, пока рука проклявшей в эту же ночь не прогонит с убийцы проклятие прочь!»

Заглушив последние слова, сани с грохотом смяли хрупкую фигурку, разmozжили и протянули кровавыми ошмётками по белоснежной дороге туда, где слабо светился Цыганский бугор. Успевшая спрыгнуть купчиха, плюясь и отряхиваясь, оторопело взидала на влажную чёрную полосу и изломанное юное тело.

Подоспевшее дворянство, в панике заламывая шапки, уже спешило на помощь своей благодетельнице, кутаясь в шубы и растирая озябшие щёки. До мёртвой цыганки никому не было дела, лишь скуливший ребёнок лет так пяти свер-

кал из сугроба глазенками, боясь шевельнуться и попасться этим расфуфыренным синьорам. До крови кусая бледные губы, девчушка жалобно смотрела на мамочку. На то, что осталось от стройной красивой цыганки, по воле судьбы не дошедшей до дома лишь пары шагов, окончившей свою яркую жизнь под полозьями дряхлой, но богатой старухи. Девочка смотрела на мать, а в глазищах разгоралось яростное пламя ненависти.

Глава 1

Никитское кладбище, оно же Московское или Офицерское, давно закрыто для захоронений. Повсюду видна удручающая картина запущения и разрухи, начало которой положил вполне официальный советский вандализм. Дореволюционные захоронения дворянства и знати большей частью исковерканы и обезображены. На многих могилках разбиты кресты, разгромлены памятники, стерты лица на пожелтевших фотокарточках. Во времена Союза памятные надписи безжалостно срывались и использовались для новых владельцев. Советская власть не питала особого уважения к праху покойных и родственникам умерших. Само понятие мест погребений не соответствовало новой идеологии атеизма и являла собой часть «проклятого прошлого». Несмотря на всю борьбу коммунистов с духовным наследием, остатки кладбища до сих пор уцелели.

Знаменитый погост богат зелёными насаждениями. Когда лёгкий ветерок проносится сквозь пушистые кроны, вороша

шуршащие листочки, по кладбищу разносится скорбный шёпот взывающих к живым мертвецов. Множество любопытных праздно шатаются по ровным дорожкам Некрополя, заглядывают за ржавые оградки, напустив на лицо грусть, печально качают головами. Сколько оборванных судеб и полуманных жизней хранится в сплетении тропинок? А сколько пытливых умов обрели вечный покой в мягкой сырой колыхбели!

*Нам не сосчитать всех холмов, усеявших землю волнами.
Тут дремлют солдаты, отдавшие жизни за нас.
Они шли вперёд, грудью встав за страну – умирали
За Курск, выполняя последний, но важный приказ.*

Если осмелиться и прийти сюда ночью, тихонько бродить по тёмным аллеям, то можно услышать, как перешёптываются между собой неупокоенные солдатские души. Вы мне, конечно, не поверите, что ж, ваше право. Но если вы вдруг окажетесь в городе Воинской Славы, обязательно загляните на старое Никитское кладбище, прогуляйтесь неспешно в паутине уютных аллей и прислушайтесь к шёпоту ветра. «Тук-тук», – это стучит ваше сердце, подчиняясь благостному умиротворению, царящему в древнем Некрополе.

На старом кладбище нашли упокоение такие великие люди, как Шуклин Григорий Андрианович, художник портретист, иконописец. А также Иеромонах Лаврентий Пронский, Онуфрий (Гагалюк) (1889—1938), архиепископ Курский и Обоянский, священномученик, и его мать-монахиня Ната-

лия (Гагальюк). Она родилась в семье поляков-католиков, а потом приняла православие и стала монахиней с именем Наталия. Скончалась в год гибели сына. В 1846 году на тогда ещё Московском кладбище вместо сгоревшей деревянной церкви была возведена новая каменная церковь с приделом в честь великомученика Никиты. Средства на неё пожертвовал почётный гражданин Михаил Воробьёв. Храм Успения Божией Матери и Великомученика Никиты возвели в русско-византийском стиле по проекту Константина Тона, того самого, который проектировал Кремлёвский дворец и храм Христа Спасителя. Знаменито кладбище также захоронением А. Максимовой-Рожиной, на чьей могиле установлена известная «плачущая статуя», на лице которой часто видны «следы от слёз», появлявшиеся вновь и вновь. Также на Никитском кладбище можно увидеть Памятник на могиле полковника Перекальского С. Н., командира дивизии, Героя Советского Союза. Неподалёку расположено место захоронения двенадцати подводников АПРК «Курск», затонувшей в 2000 году. И над всем этим возвышается Стела Мемориального комплекса «Памяти павших в Великой Отечественной войне». Во время войны с фашистами, после первой бомбёжки Курска, у ограды кладбища появилась братская могила мирных жителей, погибших в августе 1941 года. Имена их можно перечислять до бесконечности.

Так о чём это мы? Именно тут, в глубине старинного некрополя, и находится та самая таинственная могила, на

которой в одну-единственную ночь в году, накануне сочельника, появляется маленький призрачный огонёк.

Глава 2

Всю жизнь, сколько себя помнила, Лию мучали кошмары. Ещё в раннем детстве, живя со всей многочисленной семьёй на Цыганском бугре, девочка, просыпаясь в слезах, бежала в бабкину спальню, забиралась в высокую кровать и утыкалась мокрым лицом в упругое тёплое тело, пытаясь спрятаться от пугающих наваждений. К слову, старая цыганка не чуралась колдовства и была очень уважаема в таборе. А про ужасные сновидения бабушка наутро подробно расспрашивала, что-то карябала в толстой чёрной тетрадке и подолгу молчала, обдумывая и никого к себе не подпуская. Девочку же успокаивала, ласково поглаживая по спине.

«Ах, Лиана-Велиана. Знать, судьба наша такая, проклятая!» – малышка хлюпала носом, прижималась теснее и тихонько засыпала под хриплое бабкино карканье.

Старой цыганки давно уже нет, а кошмары, отступив на несколько лет, вновь вернулись с пугающей силой. Правда, наутро от них оставался лишь тающий след леденящего страха.

Тряхнув головой, девушка поёжилась от холода. «Опять экономят на отоплении, долбанная общага», – подумала она. Соседки ещё дремали, тихо посапывая в тёплых коконах одеял. Шестое января, сочельник и начало святок. На занятия уже не надо, а домой ещё не разъехались. После Новогод-

них праздников Курский медицинский колледж вновь собрал своих студентов третьего января, чтобы, поучившись пару дней, они снова распрощались на праздники. Скромница Лия была бы рада соскочить до дома хоть сейчас, но упрямые подружки решили в сочельник устроить сеанс традиционных гаданий на суженого. А кто, кроме юной цыганки, годился на роль толкователя? Девушка печально вздохнула. Разве могла она отказать подругам? Ведь это такая малость, тем более ей без особых усилий удавалось разглядеть крылатого ангела в кофейной гуще или вызов к декану среди веера карт. Соседки дружили с первого курса и, вопреки расовым предрассудкам, не гнобили и не задирали хрупкую цыганочку.

Зима ворожила студёными ветрами. Хлопья мокрого снега слепили прохожих, спешащих под окнами серой общаги. Лия уныло взирала на хмурый мир, и в душе нарастала непонятная тревога. Сегодня ночью они собирались на кладбище, то самое, Никитское, где по слухам обитает нечистая сила. Лиана, конечно, не верила, но само путешествие отчего-то пугало.

– Лий, ты чего так рано? Спала б ещё. Ааа! – громко зевнула Александра.

– Не спится. – спокойно ответила та.

– Блин, разбудили. – заворочалась третья. Всклопоченные белые пряди колтуном свисали с подушки. Потерев лицо ла-

донями, Анжела грозно уставилась на Сашу глазами штормового моря. Лиана поспешила встать между ними, и бушующий шторм сменила синева прозрачного неба.

– Девочки, ну выходной же, дайте поспать! – взмолилась блондинка и демонстративно отвернулась.

– Да спи, кто тебе не даёт, – хмыкнув, Александра пошла умываться, гнусава под нос какой-то весёлый мотивчик. Анжела подняла подушку и с психом накрыла ей голову. Лия лишь улыбнулась и, поборов в душе страх, повернулась к окну. Сегодня опять был кошмар. И снова она почти ничего не запомнила, лишь ощущение морозного ужаса, смешанного со ржанием лошадей, да нависшую над головой гигантскую тень. Как и всегда, Лиана, зябко проведя плечом, стряхнула с себя липкие ошмётки ночного кошмара и раскрылась навстречу новому дню, предвкушая приближение чего-то очень важного и судьбоносного.

Глава 3

Ночь выдалась на славу. Белый пух приятно охлаждал лица, мягкими лапами пробираясь под воротники. Морозец слегка поутих, едва раскрасив бледные щёки в приятный розовый румянец. Ярким пятном, прячась за редкими облачками, ночное светило поглядывало свысока.

– Стрёмно тут как-то! – Анжела крепче укуталась в капюшон бирюзового пуховика.

– А ты думала, в сказку попала? – ухмыльнулась Саша, сдувая с кончика носа особо наглую снежинку. Лиана шла

молча, её продолжали мучать сомнения, а нехорошие предчувствия ледяными щупальцами сдавливали сердце. Светло-коричневая дублёнка цыганочки не давала и шанса лёгкому морозцу, однако по коже всё равно бегали мурашки, а волосы на руках предательски топорщились.

– Девочки, может, в комнате погадаем. Или за общагой? Зачем сюда идти? Я столько легенд слышала про это кладбище! – жалобно подала она голос, но те лишь отмахнулись.

– Я тоже слышала, думаешь, мне гаданье это нужно? Пф! Хочу посмотреть, правда ли в полночь вспыхивает огонёк на старой могилке, ещё какая-то страшная легенда про это есть. Мм!.. – протянула Анжела.

– Да? Какая? – встрепелась Александра. – Желик, расскажи! Не томи!

– А потанцевать за рассказ?

– Да я тут уже всю дорогу отплясываю, тебе мало, что ли? Могу ещё цыганочку, с выходом из-за могилки! – запнулась, виновато косясь на серьёзную черноокую подругу. Распугивая ночную живность, по кладбищу раскатился залиvistый девичий смех.

– Вы что, спятили? – цыкнула Лия. – Мы же на кладбище, уважайте покой мертвецов, а то они придут и заташат вас к себе в могилу!

– У-у-у-у! – с фонариком у лица передразнила блондинка подругу. – Ну ладно, уговорила. Есть городская легенда о купчихе первой гильдии Анне Филипповне Гладаковой, буд-

то именно в эту ночь, раз в году, на её могиле загорается огонь, это её неупокоенная душа ищет прощения своих грехов.

И повторила трюк с фонариком.

– У-у-у-у!

Коротко взвизгнув, Александра подпрыгнула.

– А ещё, число на могиле стоит какое-то странное, и никак его невозможно изменить. Много раз пробовали стачивать, чтоб выгравировать правильную дату смерти, но всё бесполезно. Так вот.

Смутно знакомые образы мелькнули перед глазами. Лиана резко остановилась.

– Ты что? – с ходу ткнулась в неё Анжела.

– Нам сюда... – как в трансе цыганочка повернула и смело шагнула на еле заметную узенькую тропку.

– Веди нас, Сусанин-герой! – кривляясь, продекламировала неугомонная Анжела. Слова льдинками зависли в воздухе, отражаясь от невидимых стен и увязая где-то между мирами. Над кладбищем нависла гробовая тишина.

– Ого, вы слышите?! – забеспокоилась Александра. Её тёмные волнистые волосы так и норовили залезть девушке в рот, занавесить глаза. Приходилось их постоянно поправлять, засовывая под вязаную серую шапочку с большим пушистым помпоном.

– Не, ничего не слышно, – легкомысленно повела плечом белокурая балагурка.

Подростки в нерешительности остановились, насторожен-

но прислушиваясь. Старое Никитское кладбище и впрямь словно вымерло. Никаких привычных ночных шорохов, ни звуков редких автомобилей при том, что дорога практически рядом, буквально 100 метров в сторону. Будто бы купол безмолвия опустился на юных искательниц приключения. Даже скрип шагов по хрустящей кладбищенской тропке звучал как-то нарочно, искусственно.

Подружки испуганно замялись, пытаясь поймать за рукав гадалку, но Лия их не слышала.

Перед глазами девушки стелилось ровное полотно городской трассы. Ни одного экипажа в непроглядной ночи. Тишина завораживала. Городской шум утих, унося за собой суету, лишь где-то вдаль глухо гремел оркестр, перемежаясь со звонкими бубенцами дорогих саней. Согревая в объятиях черноокою малышку, цыганка торопилась домой. Осталось всего ничего, уже слабо виднелись разбавлявшие темень огни обители курских детей ветра. Цыганский бугор славился неудержимым весельем, всевозможными трюками и фокусами. Цыган ценили за их неунывающий нрав, но в работники старались не брать. Кочевой народ отличался беспечностью и природной ленью.

Прижимая и баюкая красавицу дочь, Велиана боязливо семенила по краю заснеженной трассы, торопясь и тревожно оглядываясь. Звон саней и шумный гомон господ неумолимо приближался, и с каждым шагом сердечко цыганки испуганной птишкой рвалось из груди. Вот уже слышится храп

рысаков, звон бокалов и жеманный смех благородных девиц. Испуганный женский вскрик, звук падающих на дорогу тел, крики и визги. Не чуя под собой ног, Велиана обернулась. Тяжёлый бок дубовых саней, раскидав своих седоков неумолимо летел на неё. Заторможенный взгляд выцепил исковерканное ужасом лицо старухи, раззявленный в крике рот и готовые выскочить из орбит безумно распахнутые глаза. Мгновенье, и сани незыблемой скалой нависли над хрупкой фигуркой. В последнем порыве Велиана прочь отбросила дитя и, выставив перед собой дрожащие ладони, прокричала слова. Непонятные, гортанные, пришедшие, казалось, из глубины обречённой души. Как гром пронеслись они над искорёженным боком летящих саней, запечатанные кровью невинно убиенной, тяжёлым роком опустились на дряблые плечи, въелись под кожу, сплелись с ДНК и с кровью впитались в застывшее сердце обречённой купчихи. Стылая спица пронзила старуху. Студёная кровь больше не грела тщедушное тело. Множество докторов пытались помочь излечить странный недуг, но всё напрасно. Отчаявшись, на пороге смерти она приказала доставить цыганскую ведьму, дабы вымолить прощенье за невольно загубленную жизнь. Выслушав старую женщину, наслышавшись о доброте щедрой купчихи, что, не жалея, сорила деньгами, помогая нуждающимся, древняя цыганка пожалела несчастную:

«Дочь моя была сильной ведьмой. Проклятье умирающей невозможно снять. Но я могу чуть изменить его, повернув

чёрные потоки в другое русло. Ты, барыня, всё одно по-мрёшь. Но прикажи на камне своём выбить то, что я тебе нашепчу. Это не поможет тебе, не спасёт, но задержит душу бесплотную, не даст бесам с проклятой покуражиться. Спасенье твоё в прощенье проклявшей!»

Не знала купчиха, что значит сие напутствие, но велела всё сделать именно так.

В новом 1851 году в последний день февраля, дожив до 75 лет и 6 дней, купчиха первой гильдии, почётная гражданка города Курска Гладакова Анна Филипповна насмерть замёрзла в своей постели под кучей пуховых одеял.

Похоронили её на знаменитом Никитском кладбище, а на надгробье по указу самой набили: «Здесь погребено тело потомственной Почётной гражданки курской 1 гильдии купчихи Анны Филипповны Гладаковой, скончавшейся 1851 года 31 февраля. Жития ей было 75 лет и 6 дней.»

Глава 4

– Смотрите! – перестав бессмысленно хватать за рукав онемевшую подругу, Саша замерла. Впереди в темноте зависшего безмолвного киселя ярко мерцал огонёк. Как раз там, куда и спешила Лиана. Испуганно переглянувшись, подружки рванули за ней, стараясь перехватить и оттащить цыганочку от пугающей неизвестности. Шаг, ещё шаг, и девушки упёрлись в кривую оградку.

– Лия, не ходи туда! Стой! – запинаясь и глотая слова, закричала Анжела. Но было уже поздно. Словно загипно-

тизированная, девушка стояла у самой могилки, заморожено всматриваясь в блуждающий огонь. Как только прошла сквозь оградку? Сорвав с волос капор, порыв ветра упрямо трепал смоляные кудри, расплёскивая по худеньким плечикам. Тишина затягивала, давила на уши, путала мысли.

«Кто посмел нарушить мой покой?!» – громовым раскатом разорвал тишину голос. Девочки закричали, прижимаясь друг к дружке. Волосы на головах встали дыбом, а в оголённые нервы вонзились тысячи острых иголок: «Вы поплатитесь за это жизнью!»

Взвизгнув, девчонки, не помня себя от ужаса, сорвались с места и, дико вращая глазами, помчались к цыганке, ища калитку в ржавой преграде.

Не пройдя и двух шагов, резко запнулись, будто врезавшись в стену. Неизвестно откуда взявшийся ветер закружил мириады колких снежинок в бешеном хороводе, не давая вздохнуть, заслоняя подругу.

– Лия?! – попыталась позвать её Александра, но поперхнулась. Гневный порыв швырнул в лицо острую взвесь, царапая щеки, забивая рот и глаза. «Убирайтесь!» – шумело сквозь ветер. Девочка глухо закашлялась, рядом с ней задыхалась Анжела.

– Что это, Саш? – то и дело плюясь, прохрипела блондинка, тщетно пытаясь прикрыться ладошками.

– Не знаю! – стараясь перекричать воющий ветер, ответила та. Внезапный буран не спешил успокаиваться, бесну-

ясь и атакуя стремительными порывами беззащитных студенток. Александра, нащупав рукав подруги, судорожно подтащила Анжелу к себе и, наперекор необузданной ярости взбунтовавшейся стихии, смело шагнула вперёд, туда, где у могильного камня, замерев, словно в трансе, стояла Лиана. Вьюга, молниеносно накрывшая кладбище, будто бы не касалась цыганки, милостиво обходя стороной, но при этом щедро хлестала колючими иглами мокрого снега продрогших насквозь подруг. «Ещё чуть-чуть!» – шептала брюнетка, с трудом преодолевая напор разбушевавшейся стихии. Ноги словно притягивало к земле, приходилось прикладывать серьезные усилия, чтобы оторвать от поверхности, выдернуть их из стылого капкана. Казалось, вот-вот, и пучина выпустит жертв из своих цепких объятий. Раздавшееся позади дикое ржание заставило подруг испуганно дёрнуться, впечатываясь в оградку. Прижавшись спинами к покореженным прутьям, во все глаза подростки смотрели, как прямо на них неумолимо движется снежная громада.

Три белых коня летели на девушек, играючи преодолевая преграды, грозясь затоптать и подмять под себя стылыми копытами. Сердце Анжелы рухнуло в пятки и, подскочив к горлу, перекрыло дыхание. Вылезшие из орбит глаза светились безумием. Раскрыв широко рот, она дико вопила, не замечая, как тучи колючих снежинок устремились туда, зло впиваясь в язык и царапая нёбо, комком забивая охрипшую глотку. Александра в испуге вцепилась в оградку, иступле-

но шатая её и стараясь прорваться к цыганке, оставляя на ржавом железе клочья заиндевелой кожи. Кровь смешалась со снегом, закружив, осыпав несчастных гранатовым бисером. Ржание громким набатом прорезало уши. Сотрясая копытами снег, кони вздыбились, белую глыбой нависая грозой над несчастными, и рассыпались вмиг ледяными кристаллами брызг, унося за собой и буран. Сверкающей пеленой оседала на девочек пыль, выстужая и замораживая, превращая в гротескные окоченелые статуи.

– Ли-и-и-и-я-я! – крик боли разорвал цепкую паутину, разметав ошмётки призрачных оков, растворяя в густых эманациях на границе миров. Лиана встрепенулась и, повернувшись к подругам, в ужасе прикусила губу. Стоя в притык к корявой оградке, две снежные статуи тянули к ней тонкие руки, открыв в немом крике застывшие рты, а мутные бельма расширенных глаз тусклыми льдинками сияли в глазницах.

– Не-е-ет! – раненой птицей взметнулся беспомощный вопль, ослабшие ноги предательски дрогнули, и Лиана кулем повалилась на холмик, орошая застывшую землю горячими алыми каплями. Губу жгло, казалось, её дергают калёными щипцами, но девушка, не обращая на это внимания, горько рыдала, растворяя снег солёными брызгами.

«Ты?!» – казалось, клубы мрака сгустились, уплотнились, формируя тень, и над Лианой нависла чёрная сгорбленная фигура: «Ты, цыганка, чистая дочь вольных ветров! Молю тебя, помоги мне!»

С удивлением девушка подняла лицо и заглянула в кошмарные провалы пустых глазниц.

– Помочь? Тебе? Посмотри, что ты сделала с моими подругами – терзавший душу страх куда-то улетучился, и девушка, смело вскинув голову, поднялась на ноги.

«Это проклятье! – прошелестело печально. – Оно не даёт приблизиться смертным. В один-единственный день я могу получить прощение, но люди гибнут, замерзая и превращаясь в холодный бездушный кусок льда!»

– Но я? – начала было Лия... «Но ты другая.» – чёрным хлыстом потянулась рука и отпрянула, призрак покачнулся, тьма заколебалась. И из бездонного провала на месте рта раздался душераздирающий вой: «Прости меня, дочь ветров! Отпусти мою душу! Дай упокоиться в мире, соединиться с любящей семьёй. Видит Бог, невольно я стала орудием смерти. Прости, Велиана!»

Девушка, вздрогнув, попятилась. Такое неподдельное горе волнами боли наполняло густеющее пространство, разламывало, размывало границу миров. Сердечко цыганочки дрогнуло, остановившись на миг, и с новой силой забилося, разливая по венам тепло.

«Помоги ей...» – на грани слышимости родился шёпот. Лиана обернулась. Рядом с застывшими ледяными статуями, стояла маленькая смуглая девчушка, кое-как укутанная в куцы лохмотья. «Помоги...» – разлепились бескровные губы. Присев перед девочкой, Лия взглянула в распахнутые смо-

ляные озёра, что-то родное, до боли знакомое шевельнулось в душе. Обхватив бледные щёчки своими ладонями, Лиана воскликнула.

– Бабушка?!

Девчушка улыбнулась, и озорные искорки оживили смолу, расплескав мириады огней. Да, это были глаза её бабушки, той самой, к которой малышка так часто прижималась в ночи, скрываясь от жутких кошмаров. Озорно сверкнув глазами, малышка взяла руку девушки своими тонкими ледяными пальчиками и, не по-детски сжав их, повторила: «Лиана-Велиана, девочка моя, помоги ей, и ты поможешь сама себе. Твоё сердечко чисто и светло, оно всё знает, всё чувствует. Не со зла Анна погубила тебя, матушка! Сполна искупила она грехи свои. Прости, отпусти её!» – и взмахнув второй бледной ручонкой, девочка выцепила в клубящемся пространстве пятипалую черноту и ловким движением соединила обе конечности.

– Матушка? ... – промелькнуло в голове, затуманивая разум, переворачивая душу. Жалобный вой чёрного призрака древней скиталицы жгучей иглой кольнул сердце и устремился дальше, в пучину страданий, туда, где всё это началось.

Глава 5

Очнулась Лиана, когда Пахом, усадив барыню на облучок, пошёл прочь, горестно трясая головой.

– Куда это ты? А ну стой! – грозный окрик хозяйки оста-

новил кучера. Она стояла у саней, царственным жестом протягивая плётку, стройная, как спица, в свои-то 74!

– Дык вы ж изволили... – затараторил сбиваясь.

– А теперь опять изволю. И не перечь мне, ирод! – Лиана глазами купчихи ясно видела, как под усами мужика расплылась довольная улыбка.

– Кто угостит даму? – повернувшись к саням, старуха, стянув с облучка меховые подклады, ловко бросила ими в гостей. Те засмеялись, заулюлюкали. Соорудили пушистый престол и, подняв на руки благодетельницу, чинно усадили, с поклоном вручив хрустальный бокал. Игристое шипело и булькало, пузырьки нежно щекотали нёбо. Поддавшись всеобщему веселью, Анна-Велиана с головой погрузилась в безрассудное празднество! Пахом виртуозно срезал повороты, смеясь и подбадривая шустрых рысаков. Вот показался Цыганский бугор! Сердце купчихи, сделав безумный кульбит, ухнуло в пятки. Выронив звякнувший хрусталь, она, подскочив, распихала гостей, те, хохоча, схватили полоумную, пока не загремела в сугроб.

– Стой! – заорала Гладакова во всю силу потрёпанных лёгких.

– Пахом, остановись, окаянный! – выхватив у кавалера бокал, купчиха метко запустила снаряд прямо в кучера. Тот, вздрогнув, обернулся и, натянув поводья, ловко остановил рысаков. Мотая белыми мордами, те громко храпели, теряя пену, и, поводя ушами, в нетерпении переступали копытами.

– Чего изволите, барыня, – подобострастно склонился.

– Оглох, что ли, окаянный? Изволю! А ну сними меня отсюда! – выкатив изумлённо глаза, тот поспешил выполнять указание. Все разом смолкли. Перешёптываясь, гости удивлённо взирали на худую купчиху, тянувшую тёплую шубу со своего престола. Справившись наконец и переведя дух, Анна Филипповна, чинно обойдя сани, повернула к Бугру. Там, на самом краю видимости, испуганно жалась молодая цыганка, пряча в объятиях смуглую девочку. Подойдя ближе, купчиха расправила шубу и аккуратно накинула щедрый подарок на худенькие плечи.

– Посмотри на меня! – ласково обратилась к цыганке, та вздрогнула, не смея поднять взор на важную даму.

– Не бойся, я не обижу тебя. Приходи ко мне завтра. Ты знаешь, кто я? – цыганка робко кивнула, так и не подняв головы.

– Приходи, я накормлю тебя, дам работу и помогу твоему ангелочку. – протянув сморщенную кисть, купчиха слегка коснулась чёрных кудряшек, выглядывающих из-под пышного меха. Горделивая дочь ветров вскинула голову, готовая защищать ценой жизни родное дитя, но, поймав добрый взгляд благородной особы, разом смягчилась и, слабо кивнув, притянула девчушку покрепче, с удовольствием кутаясь в роскошную шубу. Смуглая рука мелькнула сквозь щель распахнувшейся шуб, крепко ловя сухопарую кисть. Анна-Велиана судорожно дёрнулась, но цепкие пальцы дер-

жали крепко. Обернувшись, старуха мгновенно попала в капкан чёрных смеющихся глаз.

– Я прощаю тебя! – дрогнули губы. И петля разомкнулась, выпуская счастливую душу из липких оков цыганского проклятья. Купчиха попятилась, ощущая лёгкость и радость, а вслед ей смотрела пара бездонных и всё понимающих глаз.

Словно на крыльях, Гладакова добралась до саней. Там, замерев в изумлении, не сводив с неё глаз, томилась в ожидании вся честная компания. Подхватив старушку на руки, вновь усадили на поредевший престол. Колокольчик звякнул, гости зашумели, а кучер, взмахнув плёткой, пустил рысаков в долгожданный галоп.

Её окружал гомон гостей, смех и веселье, а в душе растеклось тепло. Голова закружилась от счастья. И, выдернув из немощной дамы, Лиану вновь понесло по призрачным волнам междумирья.

Глава 6

– Эй, хорош дрыхнуть! – тёплое одеяло безжалостно полетело на пол.

– Лия, ну сколько тебя можно ждать? – другой голос резанул по ушам.

– Девчонки, вы живы? – едва продирая слипшиеся веки, цыганочка спрыгнула с постели и кинулась обнимать соседок по комнате.

– Ты что, спятила? – оттолкнула подругу Анжела, – Я только волосы уложила, блин, опять всё сначала! Ну спасибо,

подруга! – сверкнуло на Лию штормовым предупреждением.

– Да, что с тобой, заболела?! – выпутываясь из кольца рук ненормальной, прошипела Александра. – Платье помнётся. Ты что такая дерзкая сегодня?

– Лиана, ты же с нами собиралась, давай колись, что надевать будешь?

Девушка испуганно вздрогнула. Воспоминания нахлынули, затопив мысли, перехватив горло.

– Девочки? – едва пискнула Лия, – А может, ну это кладбище, я вам и тут могу погадать! – умоляюще возилась на подруг.

– Что?! – в изумлении повернулась Анжела.

– Какое ещё кладбище, Лийка? Ты что, с дуба рухнула? – словно кувалдой припечатала Саша. – Соскочить хочешь? Мы уже согласились.

– Ты что, забыла? У парней сегодня ночью... Вечеринка-а-а-а! – закричала Анжела, и подружки хором завизжали.

Лиана смотрела на них, а на губах, словно майская роза, расцветала счастливая улыбка. Голова прояснялась, куда-то вдаль ускользала купчиха, теряясь в призрачном розовом мареве.

Эпилог

Анна Филипповна Гладакова прожила долгую плодотворную жизнь. Помогала бедным, строила храмы и никогда никого не убивала. Скончалась добродетельная старушка в возрасте 90 лет в любящем кругу родных и близких. А где похо-

ронена и что высечено на сером могильном камне, мы проверять не пойдём. Так же, как и потомственная цыганская колдунья Велиана.

Тайна Польского Костёла

Историческое отступление

Одним из мистических мест города Курска является католический «Польский Костёл» на улице Марата.

Истоки истории поляков в России восходят к 1863 году, когда в Польше поднялось крупное восстание, после подавления которого порядка 45 000 человек были сосланы вглубь Российской Империи, в том числе и в Курскую губернию. Именно благодаря этим ссыльным и было выстроено прекрасное архитектурное сооружение в неоготическом стиле. Даже сейчас, по прошествии столетий веков, величественное здание своими таинственными шпилями и причудливыми арками создает особый колорит прилегающих улиц – Марата, Ендовищенской, Сосновской, Центрального рынка, – погружая обывателей в атмосферу загадочного прошлого.

С «Польским Костёлом» связано немало странностей, вот, например... Проект будущего здания, по одной из версий, разработал архитектор С. И. Пекалкевич из Люблинской губернии, проживавший в Курске с 1885 года. По другой же версии, имя архитектора осталось неизвестным, а Пекалкевич лишь подписал готовую смету на постройку.

В 1891 г. куратор и настоятель Курского римско-католического прихода о. Георгий Ботузза после множества отказов наконец-то получил долгожданное разрешение на построй-

ку каменного храма. Костёл был построен благодаря пожертвованиям дворянки Рудзиевской Марии Осиповны, которая проживала в Орловской губернии малоархангельского уезда, в селе Упалый Колодезь. В 1896 году строительство было завершено, и 15 августа того же года, в торжество Успения Божией Матери, храм был освящён.

Курский «Польский костёл» знаменит ещё и тем, что в 30-х годах XX столетия в нём обвенчался известный польский художник Казимир Малевич. В дальнейшем он активно участвовал и в реставрации храма.

Католическая церковь Успения Богоматери в Курске существовала до 1938 года. В том же году здание собора было отдано под антирелигиозный музей, а позже в нём разместился склад.

Во время Великой отечественной войны в одну из башен величественного здания попала бомба, полностью разрушив его. В 1970 году костёл был отреставрирован и передан городу. В нём разместился Дом музыки, а потом и Дом культуры, где иногда проходили концерты органной музыки. В начале 90-х годов здесь появился курский рок-клуб, и памятное здание стало любимым местом для тусовки местных неформалов. Только в 90-х годах XX века началось возрождение Курского католического храма Успения. В 1997 году здание храма было возвращено церкви, а годом ранее община отметила 100-летие со дня освящения.

А теперь о самом интересном. В 30-е годы курский костёл

был официально закрыт, но несколько непокорных прихожан (во главе с настоятелем) не смирились с распоряжением властей и своевольно стали проводить богослужения. За это они подверглись жестокой расправе. А настоятель храма был безжалостно расстрелян. Если верить местной легенде, костёл то и дело посещают неупокоенные души убиенных католиков.

С открытия Дома музыки и до самой передачи здания обратно католической церкви «Польский костёл» успел обрасти нехорошей славой. Сначала по ночам слышались шаги и мрачная органная музыка, затем случилась непонятная история с побегом среди ночи испуганного сторожа. Сам директор Дома культуры признавался, что испытывает иррациональный страх перед этим местом и не раз сталкивался с непонятными звуками, к которым, по сути, так и не привык. Последней каплей ангельского терпения директора стала манера беспокойного Духа стучать в окно его кабинета при том, что тот находился на втором этаже. Но самыми мистическими и необъяснимыми стали «дьявольские метки»: следы рук и когтей, вплавленные, будто бы выжженные на кирпичной кладке под самыми окнами кабинета. А на фасаде прекрасного здания и сейчас кое-где можно разглядеть отпечатки крошечных детских ладошек.

Вроде бы мистика обошла стороной официальную историю католического храма, однако людская слава говорит об обратном, что и доказывают многочисленные паранормаль-

ные явления в «Польском костёле». Легенда гласит, что прошения Курских поляков на постройку храма всё время отклонялись. Отчаявшись получить от властей добро, проклятый католик продал душу дьяволу за успех и богатство. Но мы же понимаем, что это всего лишь легенда? Ведь правда?

Обитель дремлет в час безмолвный,

Объята в призрачный туман,

С небес отринув дом греховный,

Опутав мысли прихожан.

Сюда идут молиться Богу,

Блаженно очи возведя,

Но кровью устлана дорога

Прахом невинного дитя.

Мятежным духам нет отмищения,

Покинул свет давно палач,

В мрачных стенах, ища спасение,

Витает заунывный плач.

Ты отыщи костей темницу,

Освободи и успокой,

Душу-измученную птицу

Отпусти ласковой рукой.

Пролог

Она медленно шла по узкому проходу меж деревянных скамей, украшенных богатой резьбой. Босые ступни утопали в мягком ворсе красной дорожки, ведущей до самого алтаря. За резными лавками возвышались высоченные колонны

и арки, украшенные богатой росписью. Стены нежно-голубого цвета так же украшали золоченные росписи в готическом стиле и прекрасные, потемневшие от времени иконы. Блеклые лики святых пристально смотрели на незваную гостью, провожая вслед добрыми взглядами, пронизывая душу, заставляя кожу покрываться колкими мурашками.

Что это за место? Незнакомое здание сияло великолепием, завораживало и заставляло трепетать в груди юное сердце. Очарованная Лия, затаив дыхание, восторженно впитывала витающий фимиам, с головой погружаясь в атмосферу покоя и умиротворения. Не дойдя пары шагов до главного возвышения, девушка в замешательстве остановилась. Красная дорожка вела дальше, поднимаясь по ступеням, ныряла под самый алтарь, по краям которого взирали в гордом великолепии статуи Девы Марии и апостолов.

Девушка подняла взор повыше, любясь затейливым орнаментом высокого потолка и цветными мозаиками арочных витражей. Храм был ярко освещен, и лишь за алтарем клубилось тёмное облако. Цыганка пригляделась, и, как бы откликаясь на душевный порыв посетительницы, тьма, судорожно вздохнув, заворчалась. Страх липкой струйкой скользнул по позвоночнику, затягиваясь плотным узлом вокруг талии и собираясь в животе колючими льдинками. Лиана, вздрогнув, отступила, но чёрные лапы уже неслись к ней, заслоняя и отгораживая непроницаемой стеной от Божественного тепла. Поддавшись панике, девушка кинулась назад... «Бежать!» –

бахало в голове. Проваливаясь в ставшем вдруг жидким ворсе до самых колен, она задыхалась подкатившим к горлу колючим комком всепоглощающего страха. Шаг, ещё шаг, и в ужасе она поняла, что застряла. Уши словно забили ватой, а в голове громко застучали молоточки. Раскрыв рот для крика, она поперхнулась, так и не выдавив ни звука, силясь хотя бы вздохнуть сдавленным паникой горлом. Живот скрутило в ледяном спазме, и, упав в топкую вязь, девушка безмолвно зарыдала.

Чернота давила со всех сторон, плотно накрыв шевелящимся куполом. Лия подняла мокрое лицо и обречённо огляделась. Завеса была повсюду, она будто дышала, нашептывая и протягивая к оцепеневшей в ловушке девушке свои чёрные щупальца. Лиана прислушалась. Среди шуршащего хаоса бормотания ясно угадывались слова. «Поиграй с нами!» «Помоги нам!» Детские тонкие голоса, разрывая плотную завесу междумирья, тянулись к ней, звали, безнадёжно просили о помощи.

Девушка встрепенулась. Под ногами уже не было топкого багрового месива, наоборот, в ступни до боли впивалось острое крошево мелкого строительного мусора. Переступив с ноги на ногу, девушка поморщилась, куда теперь она попала? Тьма ожила, завозила и, ощерившись множеством детских ручонков, двинулась на неё! Кривляясь в безумном танце, конечности выползали из чёрных клубов, хватали за руки, тянули дрожащие ноги, в ключья рвали одежду.

– Помоги!

– Останься с нами!

– Поиграй!

Какофония оглушала, лишала воли, путала мысли.

– Не-е-е-т! – в последнем отчаянном порыве дёрнулась жертва, прежде чем детские ручки смогли утянуть её по ту сторону бытия.

Мокрой мышью встрепенулась студентка, переполошив криком всю комнату. Немного поворчав, соседки снова уснули, а Лиана так и пролежала до самого утра, не сомкнув глаз и зябко кутаясь в тёплый плед.

Глава 1

И всё-таки она задремала. Пригревшись в уютном коконе тёплого пледа, Лия разомлела и куколкой замоталась в мягкий плюш. Под утро сны решили пощадить юный разум и дружно отступили.

– Еху! – за одеяло дернули, но плотно укутанный кокон даже не шелохнулся.

– Эй, фантазерка, хорош дрыхнуть! – звонкий оклик заставил Лию поморщиться, немилосердно возвращая в реальность.

– Рассказывай, что там опять тебе снилось? – нетерпеливо загалдели подруги, бесцеремонно запрыгивая на узкую койку. Лиана, ойкнув, приподнялась и со вздохом начала выпутываться из плюшевой колыбели.

– Хм... – нахмурилась она, и смуглый лобик прорезала

лёгкая морщинка. — Не помню.

— Ну ничего себе! — возмутилась голубоглазая блондинка.

— Вот уж! Как нас будить среди ночи, так пожалуйста. А как рассказать, так не помнит! — надула и без того пухлые губки брюнетка.

Девчонки являли собой полный контраст. Голубоглазая стройная Анжела и широкоплечая сероглазая Саша по характеру отличались так же сильно, как и внешне. Если первая была кокеткой и балагуркой, знающей себе цену, то вторая — боязливой и нерешительной, предпочитавшей всюду доверчиво следовать за более смелой подругой. Несмотря ни на что, Велиана обоих их очень любила. Учились девочки уже не первый год в медицинском колледже и с первого курса, насколько возможно, терпимо делили одну на троих комнату в общежитии.

Буквально месяц назад с ними приключилась одна забавная история на Никитском кладбище. Нет, ну как забавная? Сама-то история была жутко страшная, а забавная потому, что она вроде как и была, а вроде как и нет. Пойди разберись теперь. (читайте книгу «Цыганское проклятие сквозь века»). С тех самых пор, а прошел почти месяц, когда наутро Лия кинулась обнимать «погибших» ночью подруг, к ней и прилипло это прозвище. А после того, как выслушали сумбурный, неординарный и до ужаса реалистичный сон смуглой подруги, с завидной регулярностью интересовались её сновидениями. Но кошмары, как ни странно, пропали от слова

совсем, ну, то есть, до сегодняшней ночи.

– Девчонки, отвалите! Да правда, не помню. Что-то страшное, непонятное. Раньше такого не видела. Вспомню, расскажу, – тряхнула смоляной гривой цыганка и, распахав разочарованных слушательниц, бодро спрыгнула с кровати и тут же поёжилась. Ледяные иглы вонзились в ступни, проникая под кожу, растекаясь по разгорячённому телу мириадами зябких мурашек.

– Брр, долбанная общага! – недовольно фыркнула та, кутаясь в тёплый халат.

– Вы не забыли, что мы обещали сегодня Дымку? – встрепенулась Александра, и полные губы расплылись в мечтательной улыбке.

– Нет. – закатила глаза Велиана.

– Да помню, – фыркнула блондинка. На самом деле, поход на праздничную службу в Католический костёл совершенно не прельщал взбалмошную девицу, но обидеть беззаветно влюбленного в неё парнишку она не хотела. То, что светловолосый скромный подросток по уши втрескался в яркую блондинку, ни для кого секретом не было. Даже для Виктора. Живя с Вадимом в одной комнате, Витя Кислицин, кареглазый вертлявый брюнет, был в курсе всех душевных метаний робкого соседа. Только из-за этой тихой влюбленности Кислый и замутил с Анжеликой. Не то чтобы досадить другу, а просто неосознанно демонстрируя своё превосходство. С детства парень стремился всегда и везде быть первым.

Вот и теперь тоже. А ещё стоит добавить, что ему доставляло какое-то извращенное удовольствие на глазах у друга демонстрировать своё превосходство над завидной партнёршей. Бальзамом по сердцу был ревнивый затравленный взгляд Дымка, когда Кислый властно при всех целовался с блондинкой, мял её пышные груди или лапал упругую попку, закатывая глаза.

Вадик Дымов был родом из ревностных католиков, и родители с детства воспитывали в сыне приверженность к высокой религии. Сегодня же, во второй день февраля, в католическом храме праздновали один из самых значимых для верующих праздников – Сретение Господне. В этот день Римско-католическая церковь отмечает день памяти Очищения Девы Марии и День Свечей. В этот праздник католики освещают свечи и воду. Так же им категорически запрещено пропускать службу и покидать храм без свечей, так что друзья милостиво согласились сегодня вечером сопровождать Вадима его в крестовом походе.

Глава 2

Пятеро подростков, смеясь и балагурия, смешались с толпой прихожан, спешивших на праздник. Они медленно плелись вдоль центральной площади, обогнув здание бывшей гостиницы, мимо мрачного главпочтамта.

– Блин, что ж так холодно! – приплясывала Александра, пряча лицо в высоком чёрном воротнике болоньевого пуховика и ревниво косясь на долговязую фигуру плечистого

подростка.

– А нас точно не выгонят? Я ж не в юбке!

– И я... А что, надо было юбку надевать? И платок? Ну, как в церкви? – растерянно оглядев свой бирюзовый синтепоновый наряд, смешалась Анжелика, картинно прикрыв озябшей ладошкой коралловые губки.

Уши Вадима вспыхнули.

– Нет, не волнуйся, всё не так страшно, как у вас в православии. У нас нет конкретных требований к посетителям храма. Любой человек может прийти на мессу, и мы будем рады. – встретившись с васильковым прищуром, парнишка вконец стушевался и опустил глаза. Анжелика довольно зарделась. Виктор раздраженно сжал челюсти, желваки заходили, заставляя надрывно скрипеть зубы. «Как кошка с мышкой», – пронеслось у него в голове. И, по-хозяйски притянув блондинку к себе, он игриво чмокнул её в щечку. Мало ли, вдруг целоваться в костёле грех.

Мало-помалу процессия продвигалась вперёд. Стройной линией пересекла перекрёсток Радищево, углубляясь все дальше по улице Марата. А вот и костёл. Раскрыв рты, девчонки застыли. Перед глазами возник чарующий средневековый замок из ночных грёз и смелых фантазий.

– Ничего себе! – протянула блондинка.

– Ого! – подхватила брюнетка.

Переминаясь с ноги на ногу и зябко кутаясь в старенькую дублёнку, Велиана могла лишь молча смотреть во все гла-

за, погружаясь в волнующую атмосферу таинственной одухотворенности.

Две высоченные башни-шпили, цветные мозаичные окна и готический стиль самого здания уносил мечтами в загадочное средневековье, настраивая струны души на романтический лад. Костёл был ярко освещён тысячью горящих свечей, снег от которых сиял и искрился, придавая открывшейся картине сказочное великолепие.

Вокруг храма, нараспев читая молитвы, двигалась величественная процессия в белых одеждах с горящими свечами перед собой. По католической традиции идущие со свечами должны напоминать о свете Христа. А каждый христианин должен быть «светильником» для окружающих.

Разношерстная толпа потянулась за монахами в балахонах, бережно лелея в заиндевелых ладонях танцующие огоньки. Как ни странно, но ни одна свеча так и не погасла, несмотря на крепчавший мороз и слабые порывы холодного ветра. Очарованные девушки восхищенно провожали горящими глазами священное шествие, а Дымыч, торопливо выудив из объёмного кармана пуховика пять восковых столбиков, суетливо чиркал зажигалкой и передавал по одной оробевшим спутникам.

– Чего застыли? – усмехнулся он. – Айда за ними!

И первый устремился вперёд, смело вливаясь в людской поток и призывно оглядываясь на друзей. Те, спохватившись, устремились за ним. Раскрасневшиеся, сверкая бле-

стоящими глазами, девчонки радостно шагали со всеми, с удивлением ощущая волнующее единение. В священном благоговении распахивая души навстречу эмоциональному потоку, они невольно щурились от наслаждения и мяли в ладошках горящие свечи.

– Класс! – вздохнула Анжелика и обернулась к подругам. Те улыбались. Казалось, лучистый свет юных душ отражают улыбки. Ну как тут не поверить в Бога, когда всё вокруг зиждется только на вере? Покосившись на Вадика, девушка призадумалась о том, почему она с Виктором, ведь Вадим намного красивее, умнее, влюблен в неё. Вон какие крепкие у него ладони, как бережно держат свечку, а если вместо свечи... И понеслось воображение вскачь. Погрузившись в мечтания, она незаметно со всеми вошла внутрь костёла, а звуки католической мессы лишь подстегнули разыгравшуюся фантазию.

– Желик, эй, да что с тобой? – ткнула локтем в бок подругу Александра.

– А, что? – встрепелась блондинка.

– Ничего, просто стоишь и лыбишься, как дура. Свечу опусти, а то бабку подожжёшь.

И впрямь, руки девушки непроизвольно дёрнулись и угрожающе взметнулись к стоящей впереди пожилой прихожанке. Ангела ойкнула и подтянула к себе мерцающий огонёк. От резкого движения её повело в сторону и, неловко качнувшись, она невзначай очутилась прямо в объятиях вострево-

женного однокурсника.

– С тобой всё в порядке? – напрягся Вадим, не выпуская девушку из рук.

– Что-то голова закружилась, – томно пролепетала кокетка, кося глазами по сторонам в поисках своего ухажера, но Виктора нигде не было.

– Где Витя?

– Курит, позвать? – разочарование так явно читалось на потемневшем лице парня, что девушке стало жаль незадачливого кавалера.

– Не надо. – шепнула блондинка, теснее прижимаясь к крепкому телу, от чего лицо парня предательски вспыхнуло.

– Хочешь на воздух? – заикаясь, предложил он, не понимая игры.

– Пошли. – прошептала одними губами Ангела и, встретившись с серыми глазами подруги, робко улыбнулась. – Сейчас, только девчонкам скажу. – и, нехотя отстранившись, протиснулась к тем.

– Саш, тут такое дело, тебе же нравится Витька, не отнекивайся, я же вижу, так вот, отвлекли его, пожалуйста. – и, наткнувшись на взметнувшееся возмущение, жалобно заканючила. – Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста! Я ему сама потом расскажу, обещаю! – сделав страшные глаза, она быстро кивнула в сторону нерешительно топтавшегося парня. Естественно, Саша всё поняла, этого и следовало ожидать. Такой выюнок, как Кислый, никак не подходил стройной эф-

фектной блондинке, не то что Дымов. Высокий, подтянутый симпатичный блондин. Вон как на неё смотрит. Странно, что до подруги дошло это только сейчас.

– Давай, – пожала плечом Александра и повернулась за поддержкой к смуглой подруге. Но Велиана на них не смотрела. Взгляд её жгучих глаз был прочно прикован к чему-то пониже Вадима.

– Лий... – тронула за плечо её Саша. – Да очнись ты! – толкнула сильнее, но девушка словно погрузилась в транс, отстранившись от всего мира.

– Ну как всегда! – покачав головой, Анжелика мимолетно коснулась губами холодной щеки Александры. – Спасибо, – и быстро скользнула к парнишке. Вадим взял её под руку и медленно повёл к выходу, виртуозно лавируя сквозь прихожан. Никто так и не увидел маленького тощего мальчугана в ветхой дерюге, стоявшего позади Вадима и смотревшего Лиане, казалось, в самую душу. Парочка растворилась в толпе, а с ними ушёл и мальчишка. Зачарованная цыганка подалась было за ними, но крепкая рука подруги ловко схватила её за рукав, не давая шагнуть.

– Пусть идут, Лий, – в голосе струилась печаль.

– Ну как же, а ты? – встрепенулась цыганочка, прекрасно зная о чувствах подруги к симпатичному однокласснику.

– Насильно мил не будешь. Куда мне тягаться с Анжелкой. – вздохнула брюнетка и, крепче сжав в пальцах чадающий огарок, поспешно отвернулась, торопясь спрятать вла-

гу в глазах. Помолчав, Велиана ласково коснулась напряжённой спины.

– Всё у тебя будет хорошо, Саш, вот увидишь. – под тёплыми поглаживаниями подруга заметно расслабилась, и вздыбившиеся пики плеч устало поникли.

Глава 3

«Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром;

яко видеста очи мои спасение Твое,
еже еси уготовал пред лицом всех людей,
свет во откровение языков, и славу людей Твоих Израиля».

Зычным басом неслось от алтаря, а смущенный парень упорно шёл прочь, ведя за собой хрупкую блондинку. У самого выхода, где столпотворение заметно рассеялось, она резко дёрнула руку, привлекая к себе растерянного спутника. На улицу ей не хотелось и, указав на неприметную в стороне ведущую вниз лестницу, она горячо зашептала, прикинув к самому уху подростка:

– Ты что-то говорил про экскурсию? Хочу прямо сейчас. Покажи мне, что там внизу?

– Да я и сам толком не знаю, подвал, наверное, или столовая...

– Так давай глянем, – и взбалмошная девица устремилась вперёд, увлекая за собой растерянного спутника. Внизу действительно оказалась столовая с широким дубовым столом

и длинными лавками. Ну девушка не успокоилась и, окинув ищущим взглядом помещение, потянула подростка дальше, где в темноте унылого закутка притаилась невзрачная, побитая временем дверца. Едва ли подумав, Ангела потянула на себя заскорузлую ручку, пожившись от натужного скрипа. Ещё одна лестница, тёмные щербатые ступени, затхлый сырой воздух пронизывал легкие гнилостным смрадом. Бездумно ступавший за подругой Вадим, ссутулив поникшие плечи, резко застыл на пороге. С занесенной ногой он стоял, испуганно глядя в царящую черноту, а тело стремительно охватывала мелкая дрожь. В голове прояснилось, влюбленный дурман отступил, уступая место тревожному страху. Внезапно он ощутил, как ужас когтистыми лапами сдавливает тело, липкими щупальцами пробираясь под одежду, но Ангела упрямо тащила его вперёд, будто не замечая заминки.

– Подожди, – несмело позвал её он, останавливаясь и приклонясь спиной к стылой стене. Лицо покрылось холодными бисеринками пота, а лёгкие загорелись от недостатка кислорода, в висках застучали бешеные молоточки. Пытаясь поглубже вдохнуть, Вадим хватал ртом воздух, стараясь остановить накатившую паническую атаку:

– Тут.. Тут... как-то стрёмно...

– Ты что, испугался? – промурлыкала девушка, игриво ведя тёплым пальчиком по щеке кавалера, – Это же церковь, что тут может быть страшного? Пошли, не бойся, трусиш-

ка! – зазывно хихикнула она, прижимаясь вплотную к парнишке и слегка прикусывая мочку его уха.

– Тут нас ещё видно, глупыш, – жаркий шепот и лёгкое прикосновение к набухшей ширинке сделали своё дело, заставив напрочь забыть о каких-либо страхах. Вадим охнул и подчинился. Тихонько посмеиваясь, блондинка скользнула вперёд, освещая дорогу чадящим огрызком. Пушистые лапы свисающей плесени щекотали Вадиму лицо, заставляя кривиться и морщиться, непрерывно уворачиваясь от мерзких наростов. Тяжёлый затхлый смрад липким комком застревал на зубах, отказываясь проваливаться в горло. Дышать становилось всё труднее, а продвигаться вперед – всё тяжелее. Будто сам воздух сгустился в непреодолимую стену. Горящие свечи немилосердно трещали, что заставляло парня задумчиво хмуриться. «Что-то не так. Священные свечи так не должны гореть. Пламя должно быть гладким и плавным, а тут...» – промелькнуло в голове, но, как только Анжела прижала его к единственной целой стене своим пышущим телом, мысли покинули разгоряченную голову. Вниз полетел бирюзовый пуховик, за ним и погасший огарок.

– Нельзя гасить... – попытался воспротивиться парень, но мелькнули желанные губы, и воцарилась кромешная тьма. Остатки второй свечи полетели на пол, а за ними и куртка. Нежные пальчики, щекоча и пощипывая, шарили под рубашкой, сводили с ума. В штанах вдруг стало тесно. Судорожно вздохнув, Вадим стиснул в медвежьих объятиях хруп-

кое тело. И дрогнув застыл, испугавшись своей наглой дерзости. Девушка призывно вздохнула, прижимаясь губами к вожделенному рту. Тысячи звёзд разом вспыхнули, затмевая сознание, руша цепи юношеских страхов, гоня прочь неуверенность. И он расслабился, подчинился, самозабвенно отвечая на поцелуй, не смея и в мыслях противиться нечаянному счастью. Кровь бросилась ему в голову, пот заливал глаза. Всё еще не веря в происходящее дрожащими пальцами Вадим робко касался желанного тела. С каждым стоном Анжелы движения его становились всё смелей и уверенней. Аромат женщины кружил голову, отодвигая всё дальше привычную скромность, выпуская наружу первобытного зверя. Брюки вспухли под натиском оживших эмоций, в голове помутилось. Сверкая из-под ресниц хитрым взглядом, девушка ликовала. Её ловкие пальчики скользнули вниз, и ни с чем не сравнимый звук молнии вконец лишил его разума.

– Ого, какой ты большой! – радостно охнула девушка, слегка отстраняясь и приседая на корточки. Горло Вадима сдавил спазм, сердце заухало радостной птицей. Неужели всё это реально? Она рядом с ним, фея-мечта его сбывшихся грёз? словно током пронзило безумство желанья, он рванулся поднять её, но она не дала. Хриплый стон восторженности царапая горло, в животе вспух саднящий пузырь. Грудь сдавило, дыхание спёрло, а душа окрылённая нечаянным счастьем устремилась, казалось, к чертогам святым.

Довольно улыбаясь в душе, хищница мучила свою добро-

вольную жертву жгучими ласками, то отдаляясь, то принимая вновь, упиваясь своей абсолютной властью над ним. Но вот Вадим напрягся, стараясь сдержаться, она поняла, подскочила, суетливо стянула бельё и прижалась к нему ягодичками. Повторять и не надо было. Разбуженный зверь подхватил свою фею и к стенке руками прижал, наклонил, растворяясь в пучине желания.

Отдавшись на волю безудержных чувств, презрев рамки пристойности, они в унисон задышали в извечном чарующем танце любви.

«Как долго он жаждал, надеялся, верил. Теперь никому не отдаст, не отпустит».

«Какая же дура, впустую жгла время. Теперь уж она своего не упустит!»

Так мысли роились, плясали и пели. А из темноты на них тени смотрели.

Как долго терзали друг друга подростки в темноте мрачного подземелья, история умалчивает. Наконец-то, насытившись, тела расцепились, и, тяжело дыша, оба привалились к холодной стене разгоряченными бешеной схваткой телами.

– Уф, – выдохнул Вадик, – ну ты, Анжелка, даёшь!

– А сам-то! – задыхаясь, фыркнула та.

– А что я? – удивился подросток. – Это всё ты, просто Вау! – подруга зарделась наивным простым комплементом, но сделанным от чистой души.

– Ты тоже ничё так, – шепнула она, придвигаясь поближе

к парнишке.

– Раз так, повторим? – подхватил её на руки, прижимаясь губами к подставленной шейке.

– Какой же ты быстрый, Дымок, – смеясь, отвечала подружка, трепеща от желания. – Давай, только не здесь.

– Ты ж со мной теперь? – дрогнувшим голосом спросил он, не спеша отстраняться.

– А ты сомневаешься? – горячо прошептала Анжела и тут же сама поняла: так и есть. После горячих, страстных объятий она и смотреть не хотела в сторону теперь уже бывшего ухажера.

– А как же...

– Не знаю ещё, – прервала она готовый сорваться вопрос, на который пока не знала ответ. – Как-то надо сказать ему...

– Надо, – серьёзно ответил парнишка, представляя терзания лучшего друга, и стыд захлестнул горячей волной.

Со всех сторон вдруг повеяло могильным холодом. Из рта протянулась белесая дымка.

– Что-то стало холодать, – зябко повела плечом девушка, чувствуя, как стремительно остывает разгорячённая кожа. Ёжась она отодвинулась от борющегося с собственной совестью парня, и зашарила руками по полу в поисках одежды.

– Дым, ты что замолчал? – покрываясь мурашками встрепенулась Анжела. Осознав, что больше не слышит партнёра, она озадаченно сдвинула брови.

– Вадь, ты чего? Не пугай меня... – голос предательски дрогнул. Анжела застыла, прислушиваясь. Сквозь панический грохот своего сердца, она смогла различить лишь глухой шелест возни и сдавленный хрип. Похолодев от дурного предчувствия, девушка лихорадочно зашарила по карманам пуховика, в поисках телефона. Дрожащие руки, вдруг стали неловкими. Куртка всё время норовила выскользнуть из вспотевших ладоней. Негнущиеся пальцы, казались скользкими, неповоротливыми сардельками и как на зло, не попадали в карман. А шум становился всё громче. Хрип превратился в сипение. Вытаращив глаза в крошечную тьму и скривив от ужаса рот, девушка безмолвно рыдала. Наконец-то ей удалось справиться и, выронив пуховик, Анжела вскинула телефон, судорожно давя на все кнопки. Экран вспыхнул, она резко выдохнула и согнулась, будто бы получив жестокий удар под дых.

Отказываясь осознавать увиденное, она конвульсивно дёрнулась, избавляясь от завтрака и шумно отплёвываясь. Тусклый свет телефона, метаясь по мрачному зеву, раз за разом ввергал её ужас, не позволяя расслабиться, перегружая сознание. Наконец, не в силах больше противиться и обманывать восприятие, пятно света увязло в шевелящейся массе.

Глаза девушки закатились, ослабевшие пальцы разжались, гаджет выпал милосердно пряча во мрак сюрреалистическую картину. Зажав рот ладонями, Анжела всхлипнула и

прижавшись спиной к шершавой стене, безвольно сползла на жёсткий цемент. А в затухающем разуме навечно запечатлелась картина.

Бесформенный образ исчезающего в серой жиже некогда твёрдой стены всклокоченного любовника. Светлые волосы, вставшие дыбом, в ужасе вылезшие из орбит глаза, и в немом крике распахнутый рот. А по всему телу – детские бледные руки. Гибкими змеями оплели они тело, прочно вцепились в руки и ноги, смертельным объятием стиснули горло.

«Поиграй с нами! Помоги нам!» – витало вокруг, эхом отскакивая от покрытых чёрной плесенью стен, хохоча и беснуясь. Отчаянно дёргаясь, Вадим растворялся под грудой скребущих ладошек, сминающих живую плоть мертвенных пальчиков, так и не сдавшись, борясь до последнего мига. Безумная мольба и нестерпимая мука плескались во взгляде, сквозь сплетение шарящих пальцев, прожигая душу Анжелы, разрывая на куски истерзанное девичье сердце. Девушка не выдержала, и сознание покинуло хрупкое тело.

А наверху, в самый разгар праздничной мессы, зашло в панике сердце цыганской колдуньи. В неясном порыве обернувшись к друзьям, она тихо шепнула: «Беда...» – и опрометью бросилась к выходу. Ничего не понимающие Виктор с Александрой растерянно переглянулись и поспешили за ней. Вскоре с помощью прислужников в белых одеждах Анжела была обнаружена в проходе у дальней заброшенной кельи цокольного этажа. Что делала девушка там, куда сами монахи

бояться ступить? И куда подевался Вадим?

Пока суета окружала беспамятную блондинку, Лиана тревожно осматривалась. Что-то не нравилось девушке в этом сыром помещении – забытом, заброшенном, вызывающем тысячи колючих мурашек. Серые тусклые стены, твёрдый цемент под ногами, хрустящий строительный мусор. «Ну, точно, похоже на жуткое место из сна!» – как ушатом холодной воды окатило цыганку. И тут же, из ниоткуда, порывами призрачных вихрей запрыгали, зашумели слова: «Поиграй с нами!», «Помоги нам!», «Найди нас!»

Детский топот и смех закружили водопадом, она покачнулась, невольно прислонившись к стене, и, ахнув, осела.

Глава 4

Словно от толчка, он внезапно проснулся. Печь давно погасла, и хату нещадно выстудили вездесущие сквозняки. Мужчина тяжело вздохнул и тоскливо покосился в окно. Снежные хлопья густо залепили стекло, но глухая темень слепо таранилась в ночи.

– Опять ветродуй поменял направление и загасил запальник! Беда одна с нынешними зимами. Когда уж весна. – пробурчал сам себе мужичок и нехотя спустил босые ноги с кровати. Кожу смачно лизнул морозный язык. Мужика передернуло. Нащупав сведёнными судорогой пальцами промерзшие валенки, он суетливо сунул в них зябкие ноги и быстро вскочил. Не давая себе времени околеть, мужик заохал, затопал, замахал руками, разогревая сведённые мышцы, и ки-

нулся растапливать печь, пока хата совсем не превратилась в ледяную избу. Неловкие пальцы кололо мелкими иглами, нос, усы и борода взялись серебристыми оковами, замерзая и отвисая хрустящими гроздьями. Пока, наконец, робкий огонёк разметал по углам тени, мужик успел уже продрогнуть до самых костей. В простой белой сорочке до пят он, как и был, бухнулся на колени перед гудящим пылающим чревом и стал нараспев читать псалмы, то и дело размашисто осеняя себя крестным знамением.

Впереди ждал новый суровый день. Как раз сегодня и должен был прибыть гонец из столицы с заветным посланием. Нетерпение завладело священником, и язык неприминул запнуться. Уж сколько лет посылает прошение за прошением на позволение постройки католического храма в Курской губернии, но всё напрасно. Будто бы кто-то свыше упорно противится этому свершению. И вот надо же, именно сегодняшний день и так бестолково начался. Мужик зябко поежился, грохот бухающей на ветру ставни и неумолкающий свист разыгравшейся за окном выюги отбили напрочь надежду на добрый и светлый день. Воздух насквозь пропитался морозной сыростью.

– Боже милостивый, помилуй мя грешного! Пусть гонец обрадует согласиём хоть на этот раз! – жалобно всхлипнул мужик, рукавом утирая мокрую поросль на грубом лице.

– Не того просишь, Георгий! – вкрадчивый голос громом раздался в ответ. Мужик поперхнулся ворвавшимся смра-

дом, закашлялся и с испугом воззрился в открытый очаг. Рука сама протянулась к заслонке, но пламя, дрожа, уже вытекало наружу. Грохнувшись на грузный зад, мужик, суетливо отталкиваясь пятками, заелозил по полу, пока не упёрся в холодную стену. Смотрит во всё глаза на опаляющего волос выходца, а самому кажется, что не в хате у стены привалился он, а на сковороде жаркой в гиене огненной мается. Уж рот открыл, чтоб закричать, а тварь бездушная все ближе гнется, душу живую вытягивает, воздух в груди выпаривает, и мочи нет комок ершистый вдохнуть, и силушки нет противостоять напору адскому. Схватил себя за ворот мужик и давай сорочку тянуть да рвать, чтобы воздухом свежим насытиться. Да не рвётся проклятая, а всё туже ворот стягивает, над смиренным глумится. Так рот в крике немом и раззявил, а глаза пуще прежнего из орбит повыкатывались. Некуда спрятаться полоумному в диком ужасе, только волос пучками рвать остаётся. Потянулся мужик, руки трусятся, головенка-то ходуном ходит, куций волос сквозь пальцы утечь норовит. Что за небыль такая творится с ним? Челюсть, отвиснув, мелко заклацала, а в выпученных глазах отразился нависший скалой силуэт. «Свят... Свят... Свят!» – взмолился мужик в молитве неистовой, но изо рта так ни звука не выцедил. Рука дрогнула, с головы сползла и змеёй пред глазами зависла, и уж пальцы сложились щепотью, а будто камень пудовый повис на ней и крестом осенить не пускает, так и рухнула рука плетью придавленной. Глаза свет режет, терпеть мочи нет,

только веки застыли, не слушаясь, а зрачки сжались в зерно маковое, заплясал в глазах абрис огненный.

С багрянцем рыжие цветы роились, тая, оплывали, чтоб снова возникнуть в пылающем облике, разлившись над жертвой сияющим облаком. Две алые дыры сверлили страдальца, склонившись над ним, сковав прочно ужасом плоть. Разверзлась пучина, и голос псалмом вознёсся, не давая священнику взор отвернуть.

– Чего оробел, богомолец? Язык прикусил невзначай? А хочешь, поведаю страшную тайну? В суме у гонца вновь с отказом печать! Ну что приуныл, знать и сам чаял, грешный? Почто спину гнешь и хвалу воздаешь тому, кто отринул людской дух мятежный? Зачем ему вы? Сорная пыль со ступней! Ведь пропасть церковей православных натыкано, до вас, до католиков, как до червей!

Взгляд священника потух, челюсть сжалась, но страх не покинул, дара речи лишил,

Но также с ним вместе пришло понимание, никто его жизни лишать не спешил.

По тесной клетушке пронёсся злой хохот:

– Зачем жизнь твоя мне, подумай ты сам? Мне душу продай и служи в новом храме, что не Христосик, а я тебе дам! «Ну как же? Как можно?» – метались вскачь мысли, а палец печать прижимал уж к листку.

Боль вспыхнула ярко, и горестно вскрикнув, Георгий отдёргнул кровавую руку ко рту.

– Ну вот, порешили! – сверкнула улыбка, очертив клыкастую страшную пасть.

– Чтоб жить было легче и мне служил верно, лишу тебя жалости и пошлю власть!

Взмахнуло исчадье пылающей дланью, и вспыхнул священник чудесным огнём, Сжигающем совесть, изгоняющем жалость, оставляя гнилую душонку лишь в нём.

Очнувшись поутру в уютной кровати, священник уже не пугался гонца.

Он загодя знал, что таится в конверте,

А палец зудел, как исходная веха такого лихого начала конца.

– Лия! – будто из-под толщи воды прорезался голос, медленно возвращая в реальность. Он то приближался раскатыстыми волнами, то отдалялся вновь, оставляя за собой послекусие недосказанности.

Девушка слабо приоткрыла глаза. Мягкий колеблющийся свет и специфический аромат мгновенно оповестили обостренный видениями мозг, что она всё ещё в храме. Девушка пошевелилась, и тут же коршуном над ней нависла подруга. Глаза Саши были испуганы, губы дрожали. В руках одноклассница теребила ни в чем не повинную серую шапочку.

– Анжела? – хрипло выдавила Лия и с трудом поднялась на ноги, держась за нежно-персиковую стену храма. Только

сейчас девушка увидела стоящих вокруг них монахов и, озабоченно нахмурившись, выжидательно уставилась на Александру. Стар и млад, обряженные в белые одеяния, с горящими в руках свечами они тихо перешептывались между собой, но из-за гулкого буханья в ушах собственной крови Веллиана с трудом могла слышать неясные обрывки:

— ...глупая молодёжь...

— ...вот Бог послал...

— ...надо сообщить...

— Скорая увезла, Кислый поехал с ней, а я с тобой осталась. — выдохнула одноклассница, хватая Лиану за руку. — Пошли отсюда... — неловко накинув капор, цыганка безропотно поплелась за подругой. Надо всё хорошенько обдумать. И, судя по выражению Сашиных глаз, делать они это будут вместе.

Глава 5

Без яркой и взбалмошной Анжелики в тесной комнатке общежития казалось уныло и пусто. Хмурое воскресное утро полновластно захватило город, окуная в повседневную бешеную рутину. Хоть и наступил выходной, но народу на улицах ничуть не убавилось. Все куда-то спешили, бежали, ехали, и так без конца! Только лишь в светлых стенах готического храма царила «мертвая» тишина, а седобородый настоятель, подобострастно склонившись, бесшумно молился: «Боже всемилостивый, за что наслал страшную кару? Помогите избавиться от плодов греховных! Почто беду не отвёл от

отроков беспечных? Помоги, не губи душу невинную раба твоего отрока Вадимия! И ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!»

С трудом поднявшись с колен, уже отживший большую половину отпущенных лет настоятель, смиренно взяв в руки свечу, направился вниз. В ту древнюю часть старого храма, которую с давних времён оккупировала нечисть. Он медленно ступал по обшарпанным ступеням, едва освещая путь тусклым колеблющимся огарком. В лицо дохнуло могильной сыростью и плесенью, старик брезгливо поморщился, но назад не повернул. Углубляясь все дальше, он всё сильнее ощущал тяжесть удушливой атмосферы. Тишина завораживала. Она клубилась и пела тоненькими голосами, как будто псалом, но он мог и ошибаться. Возможно, доносятся голоса сверху? Но нет, в храме ведь только взрослые, а тут... Словно в ответ, совсем рядом рассмеялся ребёнок, священник испуганно вздрогнул и закрутился на месте, пытаясь уследить за бешеной каруселью мелькавших отзвуков:

– Поиграй...

– Поиграй...

Вокруг него слышался топот лёгких шагов и пугающее хихиканье.

– Где же вы? – всё никак настоятелю не удавалась разглядеть малышей. Впрочем, ему вообще ничего не было видно, лишь голые бетонные стены.

– Прошу вас, кем бы вы ни были, отпустите отрока! – бух-

нулся на колени старец, сложив руки в молитве. В ладонях его, отражая свечу, поблескивали чётки. Тишина словно обухом саданула по ушам. Так он стоял и молился, а из чёрного киселя за ним молча наблюдали две хрупкие детские фигурки. Они тянулись к нему, злобно кривя лица, щёлкая сухими тонкими косточками корявых пальцев, раззявив рты бездонными провалами. Но сила Божьего слова была столь велика, что все потуги тёмных сил были никчёмны. Незримые чары отскакивали от прочного кокона веры, светящимися протуберанцами окружившего склонившегося в молитве священника.

Глава 6

Утро было нудное, растянутое в пространстве, как потерявшая свой аромат жевательная резинка. Хмурые тучи клубились над городом. Вот-вот, и они дадут брешь, щедро рассыпая над улочками сверкающую белизну. Многочисленные прохожие зябко прятали лица в тёплые воротники, суетливо натягивали капюшоны и, пытаясь скрыть утренний мандраж, пританцовывали на остановках. В такую погоду лучше сидеть дома с горячей кружкой ароматного чая в руках, чем с высунутым языком бежать на ненавистную работу.

Лиана судорожно вздохнула и отвернулась от окна. Александра испуганной птичкой сидела у больничной кровати, где тихонько посапывала тень былой Анжелики. Почему тень? Да потому что в обколотой успокоительными измученной девушке с ввалившимися щеками и тёмными кругами

под глазами едва ли можно было узнать былую яркую красоту. Блондинка крепко спала, но глазные яблоки двигались хаотичными рывками, губы пунцовыми вишнями выделялись на осунувшемся лице. Лиана склонилась над подругой, заботливо поправляя свесившуюся бледную кисть, но та с внезапной силой стиснула запястье цыганки. Девушка, вздрогнув, попыталась отпрянуть, но впившиеся в смуглую кожу сухие пальцы держали крепко. Вскинувшись, девушка подняла взгляд и провалилась в бледно-голубые, почти прозрачные озёра распахнутых глаз. Первобытный страх плескался в них, подобно цунами, норовя выбраться наружу и поглотить весь мир.

– Руки... Много... Утащили... Найди... Спаси!.. – хриплый голос, больше похожий на воронье карканье, вырвался из приоткрытых губ и ворвался в сердце тревожным набатом.

– Куда, Ангела? Куда утащили? – сжав тонкую ладонь подруги, Лиана в бешенстве трясла её, срываясь на крик. А у самой перед мысленным взором стояло нахлынувшее видение. Множество маленьких рук, цепляющихся за Вадима, и исчезающий парень в холодной стене.

– Лия! Лиана, что с тобой? Очнись! – испуганный голос Александры и звонкая пощёчина вернули цыганку в реальность.

– Я... Я в порядке, – промямила та, потирая горящую щеку. – Ангела сказала...

– Лия, Анжела ничего не могла тебе сказать! – отчаянным криком перебила подругу Саша. – Она всё это время спала!

Открыв в изумлении рот, Велиана взглянула на Сашу, и обе медленно перевели взгляды на мирно сопящую Анжелику.

Пересказав всё увиденное в палате встревоженной Саше, девушка спешно засобиравалась в костёл. Ей надо было срочно поговорить с настоятелем.

– Лия, мне страшно! Куда же делся Вадим? Это ведь не может быть правдой? Разве можно раствориться в бетонной стене? Тем более сто лет назад застывшей. Это в свежем бетоне, но не...

– Хватит, Саш, ты меня сума сведёшь! Откуда я знаю? Вот и спрошу у святого отца.

– А можно с тобой? – жалобно попросила Александра, спешно натягивая серую шапочку.

– Ну конечно, – вздохнула Лиана, на прощанье окинув печальным взглядом спящую подругу.

Время близилось к полудню. С утра чистый и девственный снег уже успели истоптать множество безжалостных сапог, превратив его в грязную стылую кашу. Девушки вышли на улицу и зябко поёжились. Лёгкий морозец, вцепившись острыми коготками, мгновенно разрумянил юные щёчки. Спустившись по больничным ступеням, девушки нос к носу столкнулись с грустным взъерошенным пареньком.

– Кислый! – воскликнула Александра. – Ты что тут трёшь-

ся? Почему в палату не идёшь?

– Я... Это... – в карих глазах заблестели слёзы. – А что они делали в подвале, а? Вместе... – голос парня заметно дрожал. Было видно, как не хочется ему услышать горькую правду.

– Ну, а сам что, не понял? – перебила открывшую было рот подругу, Лиана. – Вадима за кагором послали, наверное, а ты ж Анжелику знаешь, она хотела экскурсию, вот и увязалась.

– А! – радостно уцепился за объяснение Кислый, словно утопающий за соломинку.

– А теперь беги скорее к своей девушке, а то она проснётся, а рядом никого. – улыбнулась цыганка. И тот вприпрыжку припустил, перепрыгивая ступени, смешно задирая коленки.

– Почему ты его обманула? – удивилась Саша.

– Она сама ему всё расскажет, если захочет. Не наше это дело. – строго одернула подругу Лия, и та немедленно смутилась, покраснев до кончиков ушей.

«Лиана снова права, зачем вмешиваться в чужие отношения, так можно и крайней остаться!» – пронеслось в голове у брюнетки сквозь сумбурный кавардак нестройных мыслей.

Глава 7

А вот и костёл. Он возвышался над девушками прекрасным сказочным замком. Немедля, не давая себе и шанса передумать, Велиана шагнула в распахнутые Александрой двери и словно попала в волшебную сказку. Несмотря на то,

что празднование было позади, внутри храм ярко освещали горящие свечи. Они сотнями струящихся язычков переплетались в причудливые узоры, создавая уютную атмосферу тепла и покоя. Ароматы церковных благовоний окружили оробевших девчат, окутали умиротворяющими коконами. Словно во сне, Лиана двинулась вперед по красной ковровой дорожке. Именно так, как и тогда, она медленно шла, восхищенно озираясь. Теперь, когда пустота храма открывала свои укромные уголки, можно было разглядеть каждый живописный уголок, каждую вычурную лепнину на высоких колоннах. Резные деревянные скамейки поблескивали своими лакированными боками. Нежно-персиковые стены храма завораживали богатой золоченой росписью. Лики святых смотрели Лиане в самую душу, и негде было укрыться, негде спрятаться от укоряющих пристальных взоров. «Не уследила». – говорили одни. «Не помогла!» – вторили другие. От стыда у неё вспыхнули щёки. Глаза заволокло слезами. Она хотела им закричать, что вот она, пришла помочь, но из горла не вылетело и звука.

– Вы что-то хотели? – прямо перед девушками выросла высокая фигура молодого дьякона.

– Отец настоятель где? – еле выдавила цыганка, и наваждение отступило. Костёл был так же прекрасен в своём чарующем великолепии, только гневные взгляды святых сменились на добрые и приветливые.

– Отец Мефодий сейчас молится, его тревожить нельзя.

– Ничего, – стянув с головы капор, цыганка принялась расстёгивать рыжую дублёнку. – Мы подождём.

За ней начала раздеваться и Александра.

– Извольте присесть. – кивнув на скамьи, дьячок удалился.

– Красиво! – восхищенно протянула Саша, оглядываясь.

– Великолепно! – вторила ей Велиана.

Из-за угла, где находился спуск в злополучный подвал, раздались шаркающие шаги. Девушки повернулись. Дьяк среагировал молниеносно и, проскочив мимо, услужливо подбежал к седому старичку в смятой, заляпанной, некогда белой сутане. Он подобострастно склонился и что-то быстро зашептал, указывая глазами в сторону гостей. Седобородый слушал и кивал, прожигая пристальным взглядом цыганку. Отстранив, наконец, молодого прислужника, настоятель поморщился и двинулся к девушкам. Те хотели было подскочить, но он знаком разрешил им продолжить сидеть. Сам же тоже подсел на соседнюю лавку. Взгляд его серых пронзительных глаз всё так же буравил цыганку. Та и не поморщилась. Битва чёрного и серого завершилась отступлением последнего.

– Ну хорошо, – усмехнулся отец Мефодий, – зачем ты вернулась? – он обращался непосредственно к Лиане, чувствуя всем существом исходившую от девушки силу.

– Ты знаешь! – та ответила тем же.

– А ты смелая!

– А ты – глупый!

– Не дерзи мне, девчонка! – вспыхнул священник.

– А то что? – ни капли не испугалась цыганка. – Отдашь меня на съедение своим ручным демонам?

– Говорит та, которая привела демона с собой! – парировал старец.

– В отличии от твоих, мой демон никому не причиняет зла! – спокойно ответила девушка, косясь на чернявую малышку, крутящуюся у самого алтаря. Сверкнув глазами, отец Мефодий проследил за взглядом девушки и, ничего не увидев, расстроился.

– Ты не можешь их видеть! – понимание пришло резко, как откровение.

– Но я могу их слышать и чувствовать. – парировал тот.

– Этого мало. Чтобы изгнать их, надо видеть.

– Но их видишь ты!

– Кто они? Почему здесь застряли? Почему не уходят? Это же храм!

– Я не могу знать точную правду, записей за те времена почти не осталось. Что ты слышала об этом месте?

– Хм... – задумалась девушка. – Польский костёл построил Георгий Ботузза. Он же и был настоятелем. Во время революции красные закрыли храм, запретив проводить в нём службы, но девятнадцать рьяных прихожан во главе с настоятелем не послушались и самовольно открыли костёл. За это все заплатились жизнями. С тех пор души католиков бродят

по храму, пугая прихожан. — всё то время, что Лия перечисляла общедоступные факты, старец задумчиво кивал в знак согласия. — Только я не пойму, при чём же тут дети?

— Дети? — отец, казалось, удивился, но тут же поправился. — Ах, да, дети! А дело вот в чём... только вы этого от меня не слышали! — он с нажимом взглянул сначала на напрягшуюся Лию, затем на Александру. Девочка совсем стушевалась и, робко кивнув, заёрзала на лавке.

— Думаю, все знают легенду о том, что долгое время благородный католик получал отказы на все свои прошения. Папа долго не хотел давать разрешение на постройку Римского костёла в Курской губернии. Он ссылался на то, что католиков тут недостаточно для полноценного прихода, и храм им не нужен! Но жажда занять собственный богатый приход была столь сильна, что вконец отчаявшийся католик поддался искушению и продал свою душу Дьяволу. Как по мановению злого рока, в тот же день гонец привёз благодушное разрешение, и храм, наконец, был построен. — Велиана вздрогнула, перед глазами вновь пронеслось то видение, где в гудящем пламени дьявол совратил старика.

— Но отец Георгий больше не служил Господу нашему Иисусу Христу, а приносил кровавые жертвы рогатому господину. — продолжил священник. — А для того, чтобы костёл нерушимо возвышался веками, превознося власть католиков над всеми неверными, настоятель обманом заманил на стройку пару крестьянский детей. Что с ними стало, никто

так и не знает.

– Так вот что за малыши бродят по храму и зовут поиграть! – воскликнула Велиана. – Мы должны им помочь!

– Я тоже так думал и был уверен, что справлюсь, но силы молитв моих не хватило. – потупился огорчённо отец.

– Значит, нужно объединить наши силы. – голос цыганки звенел, как натянутая струна, в преддверии решающей битвы, а Александра, наоборот, тряслась, как осиновый лист.

– Лия, мне страшно! – пискнула девушка, зябко обхватив себя руками.

– Я знаю, Саш, но мне нужна твоя помощь. – при этих словах глаза Александры наполнились влагой, а губы предательски дрогнули.

– Не бойся, ты не пойдешь туда с нами. Подожди меня тут и всё время читай «Отче наш», поняла? – та поспешно кивнула, облегчённо откидываясь на жёсткую спинку скамьи.

– Вы со мной, отец? – тот обречённо кивнул.

Даже не переодеваясь, как есть, старый настоятель вздохнул и решительно встал, гордо оттопырив седую бородку.

– Ну, что ж, не будем терять время! На счету у Вадимия каждая секунда!

– Вы правы, отец. – поднялась Велиана, совсем скидывая теплую дублёнку. Разместив вещи на лавке, она осталась в утепленных джинсах и сером шерстяном свитере. Поправив каскад смоляных кудрей, девушка настороженно взглянула на священника.

– Наверное, нам стоит вооружиться? – робко предложила цыганка.

– Думаю, запастись святой водой не мешало бы, – и, развеяв витавшее напряжение, отец Мефодий по-доброму ей улыбнулся.

Глава 8

Тревожно оглядываясь по сторонам, они медленно спустились по щербатым ступеням. Темнота впереди заворачивалась в нетерпении, задышала удушливой сыростью, гнилью, дохнула затхлостью давно заброшенных помещений на незваных гостей, нарушивших её стылое уединение. Ворсистые пятна плесени то тут, то там свешивали свои пушистые лапы, гладили по волосам, касались лица, вызывая у Лианы приступы омерзения. Священник же был невозмутим. Шепча себе под нос сонмы молитв, он чинно вышагивал, едва уворачиваясь от замшелых гроздей. Вот и приметная стена, возле которой обнаружили Анжелику. От своих пыльных соседей она разительно отличалась. Если те были основательно покрыты сколами и тёмными выщербинами, то эта была ровной и светлой. Казалось, время было не властно над открывшимся взорам оазисом бетонного монолита.

– Это здесь... Я что-то чувствую! – Лиана прислушалась к изменчивым эманациям. – Да-Да, я слышу вас... Идите ко мне! – горячо зашептала девушка, прислонив тёплые ладони к шершавому камню. – Я помогу вам!

Отец Мефодий с удивлением взирал на эту маленькую

хрупкую девочку, так смело призывающую то, от чего он в страхе прятался всю свою жизнь. Он и сейчас очень боялся, но никак не мог потерять лицо перед смелой и дерзкой девочкой.

Яркий язычок свечи в его руках яростным пламенем взметнулся ввысь и тут же сник, грозясь потухнуть совсем. Взгляд старца панически заметался. Схватившись свободной рукой за стеснённую грудь, он часто-часто задышал, стараясь унять разогнавшееся сердце. Даже при таком тусклом освещении было видно, как вместе с дыханием изо рта вырывается пар. В подвале заметно похолодало. Будто разбуженный шёпотом девушки, робкий морозец шаг за шагом надвигался на застывших людей, обволакивая, погребая под собой в сумрачных недрах каменных катакомб.

Зябко поведя плечом, Лиана согрела дыханием оковевшие пальцы и снова прижала ладони к стене. Тихий неясный шёпот накатывал волнами. Он то ясно звучал, оглашая мрачное подземелье, то шелестел где-то вдали, на самой грани человеческого восприятия. Стены давили, они нависали грозной скалой, надвигались со всех сторон, пытаясь раздавить и лишить воздуха вторгшихся нежеланных гостей. Девушка хмурилась всё сильнее! Вот непоколебимая с виду стена покрылась мелкой рябью, заходила волнами, выпуская из своих цепких объятий маленькую фигурку. Лия не отпрыгнула, не отшатнулась. Даже когда белокурая девочка, выпростав из-под скудных лохмотьев тоненькие ручки, всем существом

потянулась к застывшей цыганке.

– Помоги нам! – призрачные пальчики ледяной хваткой сомкнулись на смуглой руке. Тут же рядом возникла другая, не менее цепкая хватка. Девушка покосилась и встретила взглядом с прозрачными радужками призрачных глаз.

– Поиграй с нами! – синие губы скривились в злобной ухмылке на бледном мальчишеском личике. Лохмы нечёсанных кудрей стояли торчком непослушной соломой, вокруг провалившихся глаз залегли густые тени. Это был тот самый мальчишка, болтавшийся в храме на праздничной мессе. Тот самый, который ушёл за смеющейся парой друзей, один из которых пропал, а вторая в беспомощности прозябает в больнице.

– Где мой друг? – Велиана мысленно представила облик Вадима. Мальчишка ощерился в зубастой улыбке.

– Поиграй с нами, и я отведу тебя к нему. – долетел тихий шелест. Девушку охватила тревога, она повернулась к девушке. Но та не смеялась, как мальчик. В обрамлении чернильной синевы глаза её наполнились болью.

– Помоги нам! – шептали бескровные губы.

– Помоги им! – вибрировал воздух. Взгляд Велианы метнулся на звук и упёрся в родные глаза.

– Бабушка?

– Помоги им, девочка моя! Спаси невинные души! Освободи от вечного гнёта камней! – призрак черноокой малютки исчез, а слова ещё долго скакали по стенам.

Вдруг что-то изменилось, воздух, казалось, наполнился ужасом. Ничего не видящий, от того и не понимающий, отец Мефодий подался назад, откликаясь на изменения в пространстве. Лиана дернулась было тоже, но холодные пальцы держали крепко. Всем своим существом девушка ощущала нависшую незримой скалой угрозу. Плотная тень шевельнулась позади, ширясь и разрастаясь, заполняя эманациями ужаса каменный коридор. Ещё чуть, и он превратится в могильный склеп. Девушка дёрнулась, увязая в шершавом бетоне. Голова закружилась, и её понесло по волнам бытия.

Глава 9

Летние ночи хранили тепло дня, рассеивая лишь духоту от жаркого солнца. Цикады со сверчками давали свой очередной душераздирающий концерт. Ванюшка с Аленкой то и дело задирали белёсые головёнки, чтобы с благоговением взглянуть на святого отца. Мамка с батькой еще не вернулись с полей, а может, там и заночуют, а с пузатой тёткой Матрёной в хате сидеть скучно, её мелкий сынок Гришка всё время орёт, и нет от него спасу. Так брат с сестрой и убегли со двора, чтобы в тишине летней ночи поиграть вдоволь в прятки, а тут и святой отец подоспел. «Пойдем, – говорит, – такое вам место покажу, где играть стократ лучше!» Конечно, они с радостью согласились. И вот теперь бредут в темноте, спотыкаясь, ведомые за руки долговязым священником. Наконец показалась и стройка, зазывно торчащие кверху кирпичные стены с глубокими арками. Такие манящие, запутанные,

что детские глазёнки засияли в предвкушении: «Да, вот тут поиграть бы!» А отец Георгий посмеивается: «Ну, что, кто первый прятаться будет?» Ванюшка аж поперхнулся слюнями, так хотелось ему поиграть тут.

«Давай!» – подтолкнул его отец. «А тебе – закрывать глаза!» – повернулся он к девочке, та и послушалась. Закрывала лицо руками и запела причудливую считалочку: «У братишки два козлёнка, у сестрёнки два котёнка, все они хотят играть, споро глазки закрывать, будут тебе помогать, ну а я иду искать!» И она с весёлым смехом кинулась по тёмным закоулкам в поисках братишки. А священник достал из широких карманов чёрной рясы тёмную книжицу, бухнулся на колени и стал нараспев читать только ему и понятные слова, сквозь которые проскакивало, то «Прими», то «Даруй», то страшное и непонятное слово «Жертва»! Сверкнула молния, но грома не последовало, дети, перепугавшись, забились в неприметную глубокую выемку в намерении переждать внезапную непогоду. Гром сотрясал воздух, но небесные хляби не спешили опрокинуть свои пузатые недра. Хоронясь от стихии, священник спешно нырнул к детям, положив книжицу на пол у своих ног. Ванюшка в недоумении покосился на сестрицу, та лишь пожала плечами.

– Подойдите ко мне, дети мои! – прогремел властный голос, и малыши, не раздумывая, доверчиво подались к нему. Разве могли они ожидать подвоха от святого отца? Ясная луна, растолкав набежавшие тучи, по-хозяйски воцарилась на

небосклоне, осветив землю чарующим призрачным светом. Непогода мгновенно иссякла, явив полнобокую ночную богиню Селену. Дети успели лишь ахнуть, как крепкие руки священника сомкнулись на тоненьких шейках с невиданной силой.

– Прими, отец мой, сию жертву во благо твоего храма, дабы стоять ему век до века и нести хвалу тебе! – причитал нараспев отец Георгий, сжимая пальцами детские шейки. Оцепенев от ужаса, малыши не могли двинуться с места. Глаза закатились, от лиц отлила кровь, превратив те в гротескные белые маски. Губы детей посинели, ноги засучили в конвульсиях, ударяя убийцу по широко расставленным ногам. Детские рты распахнулись в жажде поймать хоть глоток, но лишь хрипы и тихий сухой хруст стиснутых позвонков рвались из-под мертвенной хватки.

Запрокинув лицо к небу в экстазе, зверь в рясе священника издал радостный крик и отбросил безвольные жертвы назад в глубокую тёмную арку. Дети ещё силились дышать, но искорёженные смятые гортани не давали и шанса несчастным малюткам, а отец Георгий, продолжая свой заунывный мотив, быстро закладывал каменной кладкой неприметную арку, ставшую на долгие годы стылой безмолвной могилой. Вязкая тьма сгущалась над стройкой. Чёрными сгустками ширились тени, а вокруг священника бушевал огненный демон, ничуть не обжигая прислужника и радуясь жестокому подношению.

Глава 10

Отец Мефодий очнулся, будто бы от толчка, в ужасе глядя, как спутницу затягивает в плотную с виду, дрожащую студнем холодную стену подвала. Само провидение придало ему сил и, сорвав непослушными пальцами крышку с бутылки, он щедро окропил пространство водой. Громогласно читая молитвы, отец непрестанно охаживал упругими струями и стену, и пол, и метавшуюся в незримых оковах цыганку. Вот хватка ослабла, и, вырвавшись, девушка отлетела к противоположной стене, растянувшись в строительном крошечье. Дети с визгом втянулись назад, а нависшая грозная тень с воплем в шипящем дыму растворилась в пространстве.

– Что это было? – округлив глаза в ужасе, притулился с ней рядом священник.

– Они не одни, эти дети. Их что-то или кто-то тут стережёт, не пускает, удерживает. – пытаюсь отдышаться, прошептала Лиана, с трудом поднимаясь на ноги. – Мы должны им помочь. Надо узнать, что за сущность нам противостоит.

– Проклятый католик... – вырвалось у отца, прежде чем он смог подумать.

– Тот самый? – пытливо взглянула цыганка на испуганного настоятеля. Тот слабо кивнул, виновато поступив глаза.

– Где он похоронен? – взметнулась она, а в жгучих глазах засиял огонёк робкой надежды.

– Тут рядом, – замялся священник, – есть дерево...

– То огороженное дерево рядом с костёлом? Так это моги-

ла? – чёрными крыльями в изумлении вскинулись брови. – Вы все тут больные! – вспылила она. – Такое чудовище увековечить и держать при себе. Не даром о храме ходит нелестная слава!

– Мне безмерно больно думать об этом! – скорбь переполняла католика. – Отец Георгий построил сей храм и в глазах прихожан он так и остался великим, первым настоятелем!

– Построил ваш храм на костях? Служил настоятелем Дьявола! – не осталась в долгу Велиана.

– Ну это всё спорно! – не сдавался отец.

– Да как ты!.. – возмущённо задохнулась цыганка. – Ты же всё знаешь, всё сам видел, католик?

– Не знаю, что видела ты, а мне примерещилось...

– Ты видел, я знаю, и не отводи виновато свой взор! Мы можем спасти и детей, и Вадима. – решительность в голосе девушки устыдила седоволосого старца.

– Но что же мы можем противопоставить незыблемой дьявольской мощи? – выходя из подвала, обернулся он к хромящей позади Велиане и был поражен выражению твёрдости на почти ещё детском лице. – Ты что-то придумала? – и та заговорщически улыбнулась.

– Святая вода и сила Божьего слова отогнали нечистых. В наших сердцах живёт вера, а это могучее орудие всех времён и народов. Покажите мне могилу проклятого, и я объясню вам свой план.

Вернулся в свою тесную келью отец Мефодий мрачнее тучи. Понутив голову, он плотно смежил веки и глубоко вздохнул. Темнота угрожающе давила на плечи, забивала уши комковатой ватой. Он так устал бояться, терять друзей и послушников. Перед глазами вновь пронеслись воспоминания почти вековой давности.

Восьмилетний Миша тогда ещё и не думал, что станет священником. Со своим другом Станиславом он очень любил посещать службы в прекрасном католическом храме. Сама атмосфера в костёле завораживала мальчишек. До сих пор он помнит свои первые впечатления, когда родители привели его ещё крохой в огромное, казалось ему, торжественно-мрачное здание. Золотистый струящийся свет, басовитый речитатив седого настоятеля, его жгучий оценивающий взгляд. Маленького Мишу пробрало до мурашек. Его восхищал этот высокий седой старикан с огромными руками-лопатами и ледяным пронзительным взглядом.

В то время, как казалось ему, и пропал первый послушник. Шуму было много. Искали парнишку всем приходом, но так и не нашли, хоть и видели, как спускался в подвал. Тогда там ещё стояли бочки с кагором. Сам отец Георгий и послал молодого дьякона набрать полный кувшин. Ох, как же он горевал тогда, себя всё винил. А старики недовольно косились на настоятеля да перешёптывались. Миша по наивности своей детской и не понимал, почему. Родители строго настрого запретили отрокам даже подходить к злополучно-

му месту. Но мы же все знаем неугомонных мальчишек: конечно же, они ослушались.

Подвал тогда ещё был чист и свеж. Не было теперешней затхлости, не причёсывали волосы гребни свисающей плесени, лишь кое-где можно было углядеть кружевные гирлянды паутины да мохноногих жирных хозяев сего творчества. Свечи тогда были стеариновые, горели чисто и уже не пачкали руки, как некогда сальные. Вот мальчишкам и в радость было пройти по тёмному извилистому подвалу с трескучими огоньками в потных ладошках. Как-никак уже приключение. А ну как найдут пропавшего дядька? На таком позитиве и отправились Миша со Стасом в запретный подвал. Жёлтые огоньки на белых свечах ярко плясали, отбрасывая на каменные стены причудливые тени. Казалось, что камни двигаются, норовя заглянуть в лица восторженных путешественников своими острыми серыми гранями. Тихонько сопя, жадно впитывая каждый новый шаг в жуткое приключение, улыбаясь от осознания своей безграничной смелости, парни добрались до заброшенной кельи.

– Давай посмотрим, что там? – горячо зашептал другу Мишка, боясь громким голосом спугнуть романтическое очарование первого приключения.

– Давай ты, – потупился Стасик. Руки мальчика ходили ходуном, а на бледном лице лихорадочной зеленью горели глаза, отражая смятение юной души. Он боялся, ему было очень страшно в холодном подвале, но ещё больше страшило, что

Мишка назовёт его трусом.

– Ты проверь, вдруг дьяк там схоронился, а я тут стеречь буду. – Мишка мгновенно проникся новой игрой и кивнул на ровную серую стенку, соглашаясь с другом и предлагая тому там обождать. Прислонившись к шершавому боку, Стас порывисто охнул, отпрянув в испуге. Серый цемент обжигал леденящим морозом. Мишка, хмыкнув, степенно шагнул в тёмную келью. И бравада распалась, как карточный домик. Чёрный мрак задышал, заворочался, обступил и окутал бархатной пеленой. Зашуршало в углу, и мальчишка порывисто выставил свечку. Огонёк затрещал, заметался, норовя спрыгнуть с огарка и сгинуть бесследно.

Побледнев, Мишка вздрогнул, покрывшись мурашками, но упрямо сжал губы, нельзя закричать, а то Стас посмеётся, назвав его слабым, надо зло стиснуть зубы и только молчать. А вокруг зашумело, раздулось пространство, что-то лёгким движением коснулось щеки, парень в угол метнулся, мечтая о свете, но как эти желанья сейчас далеки.

Кто-то рядом вздохнул, за плечом, совсем близко. Мишка снова отпрыгнул, взметнув огонёк. Но везде было пусто, и Стаса не видно, кто же бродит, пугает, возможно, дьячок?

Оглядев пустоту встарь заброшенной кельи, мальчишка осознал, что он тут совсем один. Понимание пришло мгновенно, обухом обрушилось на детские плечи, тяжело пригибая к земле.

– Стас? – пискнул Мишка, тараща глаза в диком испуге,

но друг не ответил. Озираясь по сторонам, паренёк всем своим дрожащим существом ощущал чьи-то злобные взгляды, слышал навязчивый шёпот в шуршанье у стен. Но ведь не было ветра, откуда в закрытом подвале ему было взяться? Ещё чуть, и Мишка стал различать слова. Детский жалобный голосок проникал прямо в сердце, выворачивал душу. Парнишку тянуло влекло прочь из черноты кельи, назад, в коридор, где плотную темноту можно потрогать руками, а у гладкой стены, прислонившись лбом и ладонями к серому камню, стоял молча Стас.

– Эй, ты что? – подошёл к нему Мишка, но друг и не дрогнул, вперив застывший взгляд, казалось, прямо сквозь стену.

– Они поиграть хотят, в прятки... – шевельнул приятель бледными губами, сильнее вжимаясь мокрой щекой в холодную стену.

– Кто? – шепнул, ёжась, Мишка, колкие мурашки осыпали тело.

– Они, – кивнул в сторону парень, растягивая сухие губы в жуткой улыбке. – Надо прятаться, она уже считает. – повернулся Стас к растерянному друг. Подойдя к указанному месту, Мишка повёл огоньком по сторонам, но так ничего и не увидел. Сзади хихикнул Стасик, и тут же Мишка услышал, как ему эхом вторит девчоночий смех. Мишка, жалобно пискнув, крутанулся на пятках, едва не выронив догорающую свечу. Только сейчас он заметил, что обе ладони друга плотно прижаты к стене, а потухший огарок сиротливо ле-

жит под ногами. Мальчик кинулся, чтобы подобрать драгоценный огрызок, но новый звук заставил его замереть на полушаге. Липким потом покрылась спина, а короткие русые волосы невольно встали дыбом. Словно сквозь толщу воды до него донеслось: «У братишки два козлёнка, у сестрёнки два котёнка, все они хотят играть, споро глазки закрывать, будут тебе помогать, ну а я иду искать!» Подняв полные ужаса, глаза, он только успел заметить, как его лучший друг исчезает в ставшей вдруг жидкой стене.

И тогда он заорал. Он вопил, не переставая таращиться на вновь гладкую и твёрдую стену. Даже тогда, когда забытый огарок в плотно стиснутой ладони больно ожег ему руку, он не разжал её, не отбросил. В полной темноте, не обращая внимания на топот бегущих в подвал монахов, он дико кричал, срывая горло, и смотрел туда, где только что стоял его лучший и единственный друг, а под ногами растекалась жёлтая горячая лужа.

Как во сне промелькнуло дальнейшее. Злой отец, побледневшая мать. И разом постаревшие рыдающие родители Стаса. Тогда все подумали, что мальчишка заблудился в сырых катакомбах, в которые плавно переходит подвал храма. Так посчитали и про дьяка. И про множество последующих жертв. Но он-то, Мишка, всё знал! Он же своими глазами видел, как друг растворился в стене. А ещё поразила тогдашнего мальчика искусственная, напускная скорбь настоятеля, неужели только он видел, что старик довольно светится, как

сытый кот, или всё просто привиделось? Теперь-то он понимает, что нет, не привиделось, но тогда кто мог заподозрить великого Георгия Ботузза в чём-то греховном?

Мгновенно промелькнуло бывшее горе, оставляя в памяти старика горькое послевкусие.

Приход Сталина к власти, закрытие храма, запрет на службы. Непослушание католиков, жестокая расправа НКВД над прихожанами. Расстрел старого настоятеля. Почётные похороны великого ксендза Георгия Ботуззы во дворе католического храма. Памятная посадка молодого деревца на его могилке и пугливые кучки скорбящих католиков. Никому и в голову не могло прийти, на что пошёл ксендз ради постройки прекрасного храма.

Отец Мефодий вздохнул, вспомнив пыльную кучу хлама, когда храм в 1997 был возвращён католической церкви, и ужас, который он испытал при прочтении маленькой чёрной книжонки – личного блокнота великого первого настоятеля. Каждый пропавший, будь то монах или ребёнок, стали невинными жертвами безумного старика и чёрной Богопротивной силы. Ах, бедный, несчастный малыш Станислав! Даже сейчас, по прошествии стольких лет, глаза отца Мефодия наполнились жгучими слезами. Теперь только он и дерзкая девчонка знают постыдный секрет безумного ксендза. И он унесёт его с собою в могилу.

Глава 11

Пять фигур, облаченных в белые рясы, с горящими свеч-

ками в твёрдых руках окружили оградку с чернеющим деревом.

Зимой быстро темнело, и багровый закат постепенно угасал, провожая тусклое светило за заснеженный горизонт. Вот остался лишь розовый блик, утопающий в сугробе, но и тот постепенно исчез, словно ластиком стёртый в тетрадке. Пять балахонов в нетерпении утапывали снег вокруг почётной могилы. У каждого в руках трепыхался живой огонёк, а на поясе болталась бутылка со святой водой. Тут же стояла и Велиана, держа за руку испуганную Александру. Узнав от подруги, что есть надежда на спасение беззаветно любимого, она изъявила желание поучаствовать в ритуале.

– Как только мы заходим, вы начинаете петь. Нельзя позволить ему помешать нам. – обратилась цыганка к отцу Мефодию. Тот скупой кивнул и властным жестом отослал девушку, дав понять, что всё помнит. Подруги в окружении трёх белых фигур спешно скрылись в костёле. И тут же на улице настоятель затянул свою заунывную песнь. Её подхватили другие, и воздух зазвенел в напряжении, наполняясь энергией силы. Лиана улыбнулась и, подхватив тяжелую кирку, двинулась к призывно распахнутому мрачному чреву подвала. Один из сопровождающих перехватил неуместный для хрупкой ладони увесистый инструмент и властно пошёл впереди. Девушка покорно отступила, узнав в нём того самого молодого дьячка.

Подвал встретил их удушливой тяжестью. Казалось, что

весь мрак сгустился, стараясь всячески воспрепятствовать вторжению, не пустить, преградить путь наглým захватчикам. Балахоны тихо запели молитвы, Саша испуганно вздрогнула, теснее прижавшись к подруге, а Велиана ласково зашептала:

– Не бойтесь! Впустите! Мы пришли вам помочь! – и так раз за разом она взывала к растерянным брошенным душам несчастных детей. Вот и стена, так разительно выделялась она среди мрачных соседок. Светлая, ровная, сейчас же она заходила ходуном под неведомой силой проклятья. А монахи лишь громче запели, окропляя пространство священными брызгами. Взлетели кирки и ударили в ровную стену. Детский плач огласил каменный склеп, птицей вверх взлетел, расплескав пятна плесени, осыпав на головы мелкое крошево. Взвизгнув, Саша панически дёрнулась к выходу, но сдержалась и лишь отошла к противоположной стене мрачного подземелья. Балахоны работали не покладая рук, напевая молитвы, а вокруг воцарилась какофония ужаса. Стена словно вопила, дрожала, сминалась под острыми пиками освященного железа, ещё чуть, и она рухнет, погребя под своими останками дерзких вторженцев. Велиана шептала пришедшие извне слова, щедро поливая вокруг из прозрачной бутылки:

«Настал судный час,
Да рухнет темница!
Храни Господь нас!

Пусть сгинет граница!
Пусть души очнутся,
Потянутся к Богу,
От тьмы отрекутся,
Укажи им дорогу.
Пусть пленника явят,
Нам силы придай!
Иисуса восхвалят,
Возносясь в Рай!»

Стена медленно, но верно поддавалась. Теперь уже не ровная и светлая, а испещренная мелкими рытвинами, чёрными прорехами, она проседала с каждым ударом, и вот, наконец, осыпалась, открывая клыкастое чрево. Густым облаком взметнулась смердящая пыль, заставив надрывно закашляться, заволакивая чёрный зев ставшей каменной могилы мутными зловонными клубами. Молодой дьяк удержал хотевшую было броситься внутрь высокую темноволосую девушку и сам шагнул в разверстые недра.

Отстранённая властным жестом Александра в отчаянии заламывала руки. «Он там... – думала она, лихорадочно соображая, – Он должен быть там!»

Велиана обнимала дрожащие плечи подруги и с улыбкой смотрела туда, где, прижимаясь друг к другу, растерянно мялись две детские фигурки. Белокурая маленькая девочка и взъерошенный испуганный мальчуган. Своими чистыми наивными глазками они жалобно заглядывали в самую

душу. Ворошили эмоции, вытягивая наружу само сжавшееся от боли и сострадания сердце.

Вот показался дьячок, неся на плечах бесчувственного парня, кивком головы он отправил товарищей внутрь, а сам, согнувшись под тяжёлой ношей, торопливо засеменил к выходу. Следом за ним кинулась и Александра.

Медленно выныривая из чёрного зева выдолбленной про-reхи, показались и остальные балахоны, неся завернутые в белоснежные тряпицы нетленные останки. Глазёнки призрачных малышей сверкнули надеждой, разлившейся по прозрачным радужкам небесной синевой. Как на веревочке, они потянулись за балахонами, с улыбками на губах покидая свой опостылевший каменный склеп. А наверху царило безумие. Пятеро католиков, взявшись за руки, неистово противостояли потустороннему напору. Изломанное дерево острым крошечком металось в кругу бешеным вихрем, впиваясь в руки, царапая лица. Мёртвый настоятель упрямо пытался вырваться и не дать мощам жертв покинуть свою каменную могилу. Развеваясь белыми флагами в такт разбушевавшейся в узком кругу стихии, балахоны плотно опутывали еле державшихся на ногах монахов, словно саваны мумий, норовя свалить с ног, раскрутить и забросить куда-нибудь далеко и надолго, прочь от гнева мертвого настоятеля.

Отец Мефодий, не прерывая громких молитв, проследил глазами за поспешно выбегающей за ворота храма процессией и победно улыбнулся.

– Рано радуешься, презренный! Вам не победить меня! – внезапный с хохотом порыв бросил в лицо ему горсть острых щеп, раня лицо, застилая глаза.

– Помилуй раба твоего грешного Георгия и пошли ему успокоение на веки вечные! – зычно продолжил священник, упрямо осеняя незримого духа благодатным крестным знамением.

Оставив кости детей и нескольких неопознанных жертв за оградой, трое дьячков принесли толстую серебряную цепь и пошли кругом, обматывая ею исковерканную ограду почетной могилы, стройно вливаясь в церковную песнь сильными голосами.

Так, обернув серебром оградку, монахи на время усмирили бунтующий дух первого настоятеля и продавшего душу дьяволу католика. В последствии вокруг цепи был возведён бетонный саркофаг, прочно запечатанный сильными молитвами, сокрывший внутри мятежную нераскаявшуюся душу отца Георгия.

А неупокоенные души найденных останков, погребенные по католическому обычаю, наконец-то обрели долгожданный покой.

Вадим, придя в себя в больнице, так ничего и не вспомнил, а окруженный тёплой заботой влюбленной Александры быстро пошёл на поправку.

Разум Анжелики не справился с увиденным ужасом и вы-

брал самый лёгкий путь к душевному равновесию, напрочь заблокировав в памяти предшествующие тревожащие события. Так девушка и не запомнила ничего, кроме того, как они чарующей зимней ночью вместе с друзьями отправились на праздничную мессу в прекрасный готический костёл.

Велиану же это полностью устраивало, и, договорившись с отцом Мефодием, они спрятали страшную тайну Польского костёла в самые потайные уголки своей памяти. На задворки пытливой души.

Эпилог

– А что же дальше? – покосилась Лиана на хрупкую черноглазую девочку, сидящую на подоконнике и весело болтавшую смуглыми ножками. Студёный холод, разрисовавший окно комнаты в общежитии, совершенно не трогал малышку.

– Дальше чего? – игриво прищурившись, посмотрела девушка на внучку. – Жизни или смерти?

Велиана открыла было рот, но тут же захлопнула, не найдя, что сказать. Тряхнув смоляными кудряшками, девочка звонко рассмеялась и растворилась в воздухе

Кукла

*Под хрупкой скорлупой фарфора
Таится чуткая душа.
В глубоких синих глаз озёрах
Ты утопаешь не дыша.
Стой... не поддайся бездне ада,
В омут стремглав не угоди,
Не потеряй в пучине смрада
Душу свою в конце пути.*

Пролог

1999 год. Июнь

Дрожащее тело свело от жуткого напряжения, а руки, испачканные алым, мелко тряслись. Тёплая речная вода хлопала в грязных кроссовках при каждом дёрганном шаге. Струйки горячего пота катились по бледным щекам, рыжие кудрявые вихры слипшейся паклей падали на высокий лоб молодого парня. Он, закусив губу и широко распахнув глаза, стоял и смотрел на бледное пятно лица девочки с широко раззявленным в крике ртом в заднем стекле быстро уходящего на дно автомобиля. Её маленькая и хрупкая ладошка судорожно, по-птичьи скребла пальчиками, не переставая хлопать по стеклу. Но разве по силам пятилетней девчушке разбить прочное автомобильное окно? Все попытки увязали в страшной безысходности.

В руках у девочки была кукла. Такая красивая и дорогая, фарфоровая, в светлом кружевном чепце и пышном платье. Сразу видно, хорошо жили люди, богато. А помогло ли оно им, это богатство? Перед лицом смерти всё золото мира абсолютно бесполезно! Его передернуло, прикушенная губа полыхнула болью, а по подбородку побежала горячая струйка. Он с трудом разжал челюсти и облизнул пульсирующую ранку.

Машина давно скрылась на дне вместе с угасшим бледным пятном лица, и пузырьки воздуха перестали играть в догонялки. А он всё смотрел на тёмную воду реки, ставшую стылой могилой так жестоко и бестолково загубленной жизни. Он безвольно стоял, изредка вздрагивая всем телом, топчa измятую окровавленную траву и на чём свет стоит проклиная, нет, не себя, а тупого быка, так некстати притащившего на сделку своё сытое и ухоженное семейство. Сжатые в кулаки руки свела судорога, а на ладонях отпечатались глубокие бороздки от ногтей. Напряженные желваки надулись тугими узлами, а от скрежета зубов заломило челюсть. Перед глазами убийцы ещё долго стояло искажённое гримасой ужаса детское личико и прижатая тонкой ручонкой безразличная ко всему красавица кукла.

Резкий звонок телефона вывел его из ступора.

Судорожным движением рыжий выхватил из кармана потёртый мобильник и прижал его к уху. С тревогой в бегающих глазах он прислушался к собеседнику и, стиснув трубку

побелевшими пальцами, отчаянно закричал:

– Есть, есть деньги... Не трогайте их... Я всё отдам... Я нашёл!

Глава 1

2021 год. Июнь

– Дань, где ты откапал эту халупу?

– Ну почему сразу халупу, премиленький домик. Вполне себе аккуратненький.

– Премиленький, аккуратненький сарай, – сказала, как отрезала, Дарья, одарив мужа суровым взглядом исподлюбья.

– Да брось, дорогая, представь себе, целых две недели вдали от городского шума и ядовитых испарений. Только посмотри, какая красотища вокруг, – широким жестом свободной руки обвёл мужчина пространство и улыбнулся зажатой под мышкой сопевшей малышке.

– Вон и Варенику нравится... ай, – он едва успел подхватить на руки вертлявую девчушку. – Фу...

– Да поставь ты её, – фыркнула Даша, неприязненным взглядом окидывая округу.

Небольшая деревенька пугала и завораживала одновременно. Аккуратные приземистые домишки, низенькие, поблекшие со временем заборы. За ними видны огородики с ровными рядами посевов, вольно бродившая домашняя птица и даже пузатая свинья, суетливо тыкающая тупым рылом в рыхлую землю. Все было насквозь пропитано сельской романтикой и совершенно не нравилось городской до моз-

га костей молодой женщине. Чего только стоит густой лес, выросший, казалось, прямо на заднем дворе маленькой избушки. Стоило сложить всё вместе, и это место выглядело столь удручающе, что у девушки заломило зубы. Провести две недели без интернета в глубокой заднице мира – то ещё удовольствие. А супруг с дочкой, кажется, и не замечали её подавленности, звонко хохоча и валяясь в пушистой траве перед домом на изумрудной лужайке.

– Кхе-кхе, – сухой кашель привлёк их внимание, и оба удивлённо уставились на стоявшую у калитки улыбающуюся старушку. Дарья, вынырнув из своих грустных мыслей, повернулась и встретила взглядом с прозрачными старческими глазами.

– Вы кто такие будете? – взгляд старухи сразу стал острым и внимательным.

– А мы, бабуль, отдыхающие. Хозяин любезно одолжил нам на время ключи от домика, а что, мы мешаем вам? – озадаченно огляделся Даниил, обращая внимание на не замеченное ранее оживление в деревне. Почти из каждого дома на свет выползли такие же древние анахронизмы и пялились на приезжих любопытными взглядами.

– Нет, чего это удумали, отдыхать тут? Кому помешали? Нам чтоли? Ты, это, живи, чай, да только девку свою в лес не пущай, – оглянулась бабуся испуганно на товарок своих, головами покачивающих. Втянула голову в плечи и нехотя добавила:

– А лучше, милоч, забирай всех да поезжай отседова по-добру-поздорову. Не ровен час, лихо накликаешь. Мы свою жизнь уже прожили, нам то чё, а вот тебе есть, чего терять, – и быстро зыркнула на девочку.

– Да ты чего, старая? – опешил Даниил, выпуская из рук вертлявую дочь. – С чего это нам уезжать? И терять ничего я не собираюсь. Вы что тут, совсем с ума посходили в своей глуши да без цивилизации? Мы, бабуль, отдохнуть приехали, за грибами да ягодами в лес ходить, в реке купаться. Не беспокойтесь вы так, мы вам не станем мешать, – повысил он голос, чтобы его услышали все старики. А те только охали да платочки к глазам прикладывали. Махнул рукой на них мужчина да и пошёл в дом, не оглядываясь. Следом вприпрыжку радостно бежала девчушка лет четырех, забавно тряся белокурыми кудряшками, и звонким голоском напевала:

Бабочка, ты мой дружок,
Полетели на лужок,
Там нас ждёт много цветков,
Разноцветных лепестков.
Будем вместе мы летать,
Веселиться, танцевать.

Дарья хмурым взглядом окинула настороженных обывателей и, вздохнув, направилась вслед за мужем.

– Ну, что, Никитична? – подошел к старухе плешивый дедок, лениво почёсывая куцую бородёнку.

– Чаво-чаво! – отмахнулась бабка, насупив кустистые бро-

ви. — Не к добру, ох не к добру... Жди беды, Мартын!

Даниил давно мечтал смотаться куда-нибудь из душного города, только дачу они с Дашей ещё себе не нажили, а в многочисленных деревеньках в живописной округе шумного города у обоих родственников не водилось. Тут-то и помог ему Санёк — друг и сосед по совместительству. Тому в наследство от бабки досталась небольшая хатёнка. Городскому парню не с руки было то наследство, и домишко медленно ветшало без хозяйской заботы. В деревне той Санёк гостил пару раз всего лишь. Пока жива была бабка, то мать не пускала мальчишку к старухе, говорила, глухое там место, нехорошее. Потом бабуля тяжело захворала, и семья забрала её в город. Покинутое старой хозяйкой жилище так и осталось забытым. Жена приятеля бросила его ещё в лихие двухтысячные, запретив встречаться с ребёнком. Что у них там приключилось, Санёк никогда не рассказывал и лишь испуганно вздрагивал, когда речь заходила о прошлом. Другой семьёй друг так и не обзавёлся, вот и прозябал он последние несколько лет бобылём. А как узнал, что Даниил ищет место для отдыха, так и предложил ему присмотреться к дому... Смотались друзья побыстрому, чтобы проверить, в каком состоянии старинные владения, и оба остались довольны. Как ни странно, избушка была вполне себе крепкая и добротная. Немного прибрались, и гордый владелец вручил Даниилу заветный ключик от бабкиной хаты. Только вот Даша совсем не хотела ехать в

незнакомое захолустье, ещё и с ребёнком. Насилу уговорил её муж, аргументируя тем, что Варюше полезно будет подышать свежим деревенским воздухом. Теперь же при взгляде на кислую мину любимой сердце его сжималось. Он и так не понимал, как уговорить жену сменить гнев на милость, а тут ещё эти странные бабки.

Варюша же получала истинное удовольствие в тихом уюте российской глубинки.

– Папочка, что это? – смешно раскрыв ротик, смотрела Варюша на громоздкую русскую печь, а в васильковых глазёнках плясали чёртики.

– Это печка, Варюш, зимой её топят, чтобы в доме было тепло.

– Правда? А батареи? – удивлённо оглянулась на стены она.

– Тут нет батарей, малыш, это же не квартира, – улыбнулся Даниил и, подхватив засмеявшуюся дочурку, усадил её на полати, – а тут самое почётное место.

– Почему? – девочка недовольно заерзала. Сейчас на печи было пыльно и плохо пахло. Она сморщила носик и протянула к отцу тонкие ручки.

– Папа, ну папа, я не хочу. Сними меня отсюда, – Даша, укоризненно глянув на мужа, подошла к печи и поймала в объятия любимое чадо.

– Вы меня с ума тут сведёте, – покачала она головой.

– А где я спать буду? – звонким голосом осведомилась

Варюша, выискивая глазками не замеченные ранее комнаты. Вот она уже куда-то умчалась, лишь светлые завитушки мелькнули за плотными шторами, заменяющими двери.

– Варь, осторожно там, – встрепелась женщина, встревоженно косясь на беспечного мужа.

– Ну что ты застыл, иди глянь, как она там, – а сама принялась распаковывать вещи. Хочешь, не хочешь, а они уже здесь. Значит, хватит хандрить, пора бы подумать об ужине.

Варюша быстро уснула, намаявшись с непривычки на свежем и вкусном воздухе. Расстелив новое постельное на скрипучей кровати, Даша со вздохом прилегла, с удовольствием уткнувшись в мягкую подушку.

– Эй, малыш, ты что, спать, что ли? – шёпотом возмутился супруг, торопливо скидывая на пол широкие шорты.

– Пока нет, но, если ты не поторопишься... – многозначительно промурлыкала Даша, так же сбрасывая с влажного тела остатки одежды. Низ живота её тянуло тупой болью, но заставлять мужа подозревать неладное было бы лишним.

Мужчина застыл, любуясь богиней. В лунном свете на белом сверкающем ложе женщина выглядела потрясающе. Разметав длинные чёрные локоны по белоснежной подушке, она сверкала на него глазами, как волшебная сказочная нимфа. Влажное тело искрилось в призрачных нежных лучах, околдовывало и манило. Тонкая талия, чуть выпуклый мягкий животик, два очаровательных бугорка упругих грудей, что

так и просились в ладони. Круглые вишенки тёмных сосков сморщились и огрубели, жажда горячих прикосновений. Руки мужчины заныли, а естество, как на страже солдат, вытянулось вперёд. Взгляд скользнул вниз, где меж стройных жемчужных бёдер прятался треугольник шелковистых кудрей, скрывая то сокровенное, ради чего не стыдно и голову потерять. Что, собственно, и произошло долгих шесть лет назад. И теперь, как тогда, утробно зарывчав, Даниил, как дикий зверь, набросился на свою добычу.

Сумерки плавно спустились на тихую деревеньку. Птицы утихли, вместо них хор подхватили вездесущие цикады. Высокое небо, растеряв свою голубизну, окрасилось в графитовый цвет. Мир из яркого стал тусклым и монохромным. Вместе с темнотой в деревню вползла духота.

Никитична, весь день сидя у раскрытого настежь окна, нахмурившись, исподтишка наблюдала за приезжими. Нет-нет, да и суровое лицо её озаряла мимолётная улыбка. До чего ж хороша девчушка. Живая, веселая, неугомонная, она сновала по двору, как юркая лёгкая бабочка. Кувыркалась на травке, собирала цветочки в пушистый букетик и словно бы освещала пространство неукротимой энергией детства.

«Жалко малышку», – пожилая соседка печально вздохнула. Надо же было явиться им так не вовремя, вот если бы месяцем позже...

Середина июня – недоброе время для забытой глубинки.

Так издавна повелось, и изменить сей уклад никому не по силам. Дождавшись, пока неугомонные соседи отправятся на покой, Никитична судорожно вздохнула и, тяжело переваливаясь на опухших ногах, с кряхтеньем поплелась в свою тихую спальню.

Муж шумно храпел, лёжа на спине, и Дарья недовольно ткнула его локтем в бок.

— Дань, не храпи! — голос её звучал хрипло и громко в воцарившейся тишине.

— Хм, ну что ты, малыш, не храплю я, не ври... — пробурчал молодой мужчина, разворачиваясь спиной к жене и нещадно сотрясая выдавшую виды двухспалку.

Тяжело вздохнув, Даша так же повернулась на бок и, свернувшись калачиком, плотно притянула к животу ноги. Ей не давала покоя одна мысль, вертевшаяся в голове. Вот уже больше двух недель как у неё задержка, ноет низ живота и слегка подташнивает по утрам. Перед поездкой она не забыла забежать в аптеку, чтобы прикупить несколько тестов, и теперь не могла уснуть, тревожно ворочаясь в ожидании утра.

Устав от долгой поездки и набегавшись на ночь, Варюша сладко сопела в уютной каморке за шторой, муж, уткнувшись носом в подушку, спокойно затих. Тишина окружила чёрным куполом ночи, и если бы не тревога в душе...

Дарья сморгнула набежавшие слёзы и нервно вздохнула.

Как сказать мужу? А если он посчитает сроки и поймёт, что из далёкого Владивостока никак не мог участвовать в зачатии малыша? Как же так получилось? Совсем чуть-чуть не дождалась она супруга с северной вахты и, потеряв голову, ухнула в чувственный водоворот. Надсадное давящее чувство полыхнуло в душе, растопив колкий лёд, превратив его в солёный водопад, омывающий скомканную подушку. Ледяные щупальца страха липкими змеями оплели трепетно бьющееся сердце, замораживая растерянный разум своими стылыми прикосновениями.

А утром, пока все ещё спали, Даша снова безмолвно рыдала на маленькой кухоньке, нервно теребя в пальцах узенький кусочек картона с двумя яркими красными полосками. Она то с силой сжимала его, зажмурив глаза, то расправляла с надеждой на злую ошибку. Губы её дрожали, а из горла рвался наружу хриплый сип подавленных криков отчаяния. «Что делать, что теперь делать?» – лихорадочно метались и путались мысли. Сейчас ей хотелось исчезнуть, провалиться сквозь землю, чтобы не сгорать от стыда, глядя в любимые и доверчивые глаза мужа. Как же могла она так поступить, зачем поддалась мимолётным желаниям? Сжав в кулаке смятый тест, она до боли закусила губу, чтобы не разрыдаться навзрыд.

Из-за плотной занавески послышался мерный скрип половиц, и через минуту показалась Варюша. Девочка усерд-

но тёрла глазёнки сжатыми кулачками и, недовольно надув губки, шурилась на свет. Наивный взгляд, по-детски синий и ясный, осмысленно остановился на женщине, и та, замерев, поспешила вытереть мокрые щёки. Но покрасневшие веки и опухшее лицо не укрылись от девочки.

– Мамочка, ты плачешь? – личико тут же скуксилось, губки скривились, и малышка уже готова была поддержать мать в её горе, как женщина улыбнулась и подхватила кроху на ручки. Вымученной улыбкой она обманула Варюшу и, осыпав поцелуями сладкие щёчки, успокоила дочь. С болью в душе она прижимала к себе крохотное тельце и кружила ребёнка по кухне. Ей надо продержаться всего две недели, а потом она избавится от плода, и Даниил ничего не узнает. Приняв такое решение, Даша облегчённо вздохнула и улыбнулась. У неё отлегло от сердца от страшной задумки, и, скрипя зубами, она усердно гнала от себя мысли о том, что внутри неё зреет живая искра. С каждым часом растёт, наливается силой ни в чём не повинная новая жизнь. В данный момент она понимала лишь одно: этот пульсирующий комочек ещё бессознательной плоти, плод греха и обмана должен быть уничтожен. Жестокость и безумие поселились в душе, и только лишь крошечка дочь придавала ей сил принять этот удар, стойко выдержать, не убежать с криком в лес, не отдаться на волю слезам и отчаянию, а нацепить на лицо подходящую маску и вступить в новый день, как на сцену немилосердного лицедейства.

Когда началось всё?

Ещё в детстве, когда пьяный отец избивал ее мать, а девочка, ни жива, ни мертва, лежала под узкой кроватью, тогда она для себя решила никогда не брать в рот и капли спиртного. В один из таких кошмарных вечеров и произошло непонравимое. Пьяный отец зверски избил хрупкую женщину, после чего, взглянув на истерзанный труп, он до того испугался, что напрочь забыл про малолетнюю дочь и поспешно сбежал, бросив все свои вещи. Испуганным зайчиком трепетало сердечко семилетней малышки, когда, затаив дыхание, она ещё долго глотала слёзы, ожидая маму в своем пыльном убежище, но та так и не появилась. Мимо детского понимания прошли слёзы приехавшей бабушки, кучка мрачных, одетых во всё чёрное людей, затем долгая трясучка в рычащем автобусе. А мама так и осталась лежать в красивом ящике, ко всему безучастная и холодная. Маленькая темно-волосая девочка, сверкая наивными карими глазками, тщетно пыталась разбудить маму, перебирая дрожащими пальчиками её гладкие причёсанные волосы, теребя за рукав нарядного платья и требовательно касаясь точёных кистей рук, но женщина не просыпалась. Кожа на бледных руках почему-то была сухой и холодной. Лицо матери, несмотря на бледность, сияло одухотворённой красотой. Все синяки тщательно замазали, и она стала походить на спящую фарфоровую куклу. Во все глаза Дашутка смотрела на маму, звала её, но та так и

не откликнулась. А сидящие рядом бабули всё качали головами, цокая языком и горестно поглядывая на бедную сиротку. Потом накрыли маму крышкой, такой же ярко-красной, бархатистой, как и весь ящик. Опустили его в глубокую яму и приказали малютке кинуть вниз горсть жирной и влажной земли. Долго девочка не могла понять, почему её убеждали, что мама теперь на небесах, когда на самом деле закопали её в земле. Больше маму она не видела.

Только с возрастом, через много одиноких и грустных лет, девочка поняла, какая беда посетила тогда их несчастный мирок. Жизнь у старенькой бабушки текла вяло и однообразно. Но, несмотря ни на что, Даша так и не изменила своему данному в детстве обещанию и никогда не пила с подругами, даже по праздникам, даже потом, когда судьба свела её с симпатичным и весёлым Даниилом. До этих самых пор...

Она задумчиво нахмурила брови, и лоб покрылся морщинками. Женщина силилась вспомнить тот самый день, а точнее, тот единственный вечер, когда сосед заявился к ней со вспотевшей бутылкой дорогого вина. Почему же она так легко поддалась мужскому очарованию и впустила его, не задумываясь? Почему разрешила плеснуть ей в бокал густую бордовую жидкость? Этот терпкий вкус винограда, дурманящий аромат сладости и капельки влаги на нервном лице. Как могла она так поступить, когда Даниил был на вахте?! В белоснежном завьюженном краю её нежно любимый супруг безгранично ей доверял, а она... Как же так получилось?

С соседом они сдружились давно. Данька ещё сопливым мальчишкой часто пропадал у старшего друга. Потом, когда Даниил с Дашей поженились, именно рыжий сосед был свидетелем на их скромном вечере. Дарья до дрожи в коленках боялась глотнуть алкоголь. Ей всё время чудилось, что если она выпьет хоть капельку, то обязательно случится что-то плохое. Но в тот вечер, глядя в добрые глаза соседа, она вдруг поняла – она другая! Она не такая, как отец: не будет напиваться и глумиться над своей семьёй! Не такая, как мать, которая безропотно терпела побои и пала от пьяной руки негодяя! Она совсем другая, вполне состоявшаяся личность и спокойно может выпить бокал вина за здоровье соседа.

У него юбилей, сорок пять,
Одинокый, как перст, как его не понять.
И она в одиночестве дни коротает,
Как малышку уложит, так дома скучает.
Так бокал за бокалом, а тост за тостом,
За здоровье, за жизнь, тихий шепот потом.
Лёгкий шорох одежд, поцелуев огонь.
Возрожденье надежд, чувств и жгучая кровь.
Обнажённые оба в сиянье луны,
Рук движенья безмолвны, жарки и пьяны.
А потом где взять смелость, чтоб в глаза посмотреть?
Про себя остаётся лишь тихонько жалеть.
Ни он, ни она потом так ни разу и не заговорили о той пер-

вобытной страсти, вспыхнувшей в одночасье и так же угасшей бесследно. Не так уж и бесследно, как оказалось.

Глава 2

1999 год. Июнь

Вытерев пот тыльной стороной ладони, он сглотнул тугой ком и больно прикусил губу. Руки дрожали, и цветные картинки двоились в напряжённых до боли уставших глазах. В них будто бы сыпанули горсть мелкой бутылочной крошки. Побелевшие пальцы сжимали бликующие в тусклом свете лампочки Ильича засаленные карты.

По позвоночнику тонкой струйкой потек холодный пот, а уши вспыхнули от недоброго предчувствия. Сзади неслышно подошёл громадный детина и положил тяжёлую лапищу на плечо напряжённого парня.

Сидящий напротив прилизанный хлыщ хищно зыркнул узкими чёрными глазками, растягивая губы в довольной улыбке. Он не был гигантским воротилой преступного мира, но именно он руководил всеми игорными заведениями в городе. Рыжий не раз слышал, как должники этого пижона внезапно исчезали бесследно, да так, что даже имена сгинувших передавались друг другу с оглядкой.

– Ну, что, рыжий, как отдавать будешь? Я слышал, у тебя молодая жена есть и дочь? – хлыщ поднял брови и плотоядно улыбнулся.

– Нет! – попытался вскочить парень, но твёрдая рука удержала на месте. – Не трогай их, Лис, умоляю. Я всё отдам! До

копейки, клянусь! – прилизанный скупой кивнул, и пудовый кулак ткнулся парню в живот, тот, согнувшись от боли, закашлялся, а измятые карты веером разлетелись по полу.

– Даю тебе три дня, а потом Рафик придёт за моими девочками. Понял? – хихикнув, склонился бандит над столом, подаваясь навстречу к парнишке. – Не слышу?

– Я понял... – прохрипел рыжий, хватая ртом воздух. Лицо его покраснело, а изо рта текли слюни, смешиваясь в единый поток со слезами.

– Время пошло, – многозначительно постучал длинным ногтем хозяин по циферблату массивных часов. И нетерпеливо взглянул на амбала. Тот понял без слов и, подхватив под мышки безвольного юношу, вышвырнул того прочь.

– Да, и вот тебе, чтоб не потерялся с моими деньгами! – добавил напоследок прилизанный, швырнув дрожащему парню чёрненькую коробочку. В другой раз рыжий бы обрадовался такому подарку, но не сейчас. Прислонившись спиной к коридорной стене, он с ужасом таращился на сотовый, как на самую ядовитую в мире гадюку.

Молодая женщина раздраженно гремела посудой, искося поглядывая на сидящего за столом мужчину. Тот низко склонился над газетой и что-то усердно там обводил. Всклоченная рыжая шевелюра придавала ему неуловимое сходство с небезызвестным домовенком Кузей, и только бледность сухой кожи заставляла избавиться от этого наважде-

ния. Рыжие кляксы веснушек, щедро раскиданные по всему лицу, окрашивали, казалось, и самую незримую ауру мужчины в болезненно-жёлтые тона.

— У Светы снова порвалось платье. Мне не в чем её вывести гулять, — звякнула чашка в дрожащих руках, едва не выскользнув из ослабевших пальцев. А мужчина даже не пошевелился.

— Ты меня совсем не слушаешь! — чашка всё-таки выпала и, ударившись о раковину, издала жалобный звук. В бессилии опершись на раковину, женщина закрыла ладонями лицо и разрыдалась.

— Ну что ты, Наташ! — словно очнувшись, рыжий вскочил и прижал к груди вздрагивающую девушку. — Я обещаю тебе, скоро всё наладится. Я найду для нас деньги.

— Найди лучше работу! — вывернулась она из удушающих объятий, пронзая мужа колючим взглядом. — Мне стыдно показаться соседям! Как ты не понимаешь? Это твоя игра... твои карты...

— Ну, хватит, — он резко её одёрнул, — я же сказал, что завязал! Вот расплачусь с долгами, и всё у нас будет отлично! Начнём новую счастливую жизнь, — сворачивая газету, он спешно засобирався. Брови тревожно сошлись у переносицы, а глаза предательски заблестели солёной влагой. Сегодня последний срок, а денег у него всё ещё нет. Он должен успеть. Время для ошибок закончилось, настала пора действовать. Только б не опоздать!

– Ты уходишь? – сцепив бледные пальцы в замок, молодая женщина беспомощно прижала к груди руки.

– Я ненадолго... Скоро вернусь, и с подарками. – попытался он улыбнуться, но получился лишь кривой неуверенный оскал. Руки тряслись, и хрупкий газетный лист мялся, вместо того, чтобы аккуратно сворачиваться. Разозлившись, рыжий нервно скомкал ни в чем не повинную вещь, схватил со стола телефон и кинулся прочь из дома.

– Никуда не ходите, пока я не приду, – донеслось до Натальи, и она без сил опустилась на стул.

Сколько она так просидела, уставившись пустым взглядом в окно, пока не отвлёк её тоненький голосок, она не знала.

– Папа? – раздались из комнаты шлёпающие шаги. Сонная девочка в майке и трусиках показалась на кухне. – Где папа? – в наивных зелёных глазёнках плескался вопрос и отчаяние. Рыжеволосая девочка обвела ищущим взглядом кухню и вопрошающе уставилась на мать. Нервно прикусив губу и едва сдерживая рыдания, женщина через силу растянула губы в искусственной улыбке и тихо выдохнула:

– Папа скоро придёт, Цветочек, он пошёл за подарками.

Глазки-бусинки вспыхнули радостью, и малышка захлопала в ладоши.

– Ура! Подарки! – и тут же, с надеждой заглядывая в глаза матери, выдавила сокровенное. – И шоколадку купит?

Глядя в широко раскрытые озера наивности и чистоты, женщина без колебаний ответила.

– Конечно, родная, обязательно купит.

Короткий звонок в дверь заставил их замолчать, и, переглянувшись, обе кинулись к двери.

– Папа! – рвалось из груди бежавшей вприпрыжку малышки, но женщина засомневалась. Он ведь недавно только ушёл...

Дрожащими пальцами щёлкнула замком и не успела ещё отодвинуться, как дверь резко распахнулась. Два амбала хозяйски ввалились в прихожку. Один, тощий и долговязый, мгновенно подхватил на руки девочку. Малышка и пикнуть не успела. Другой, широкоплечий и лысый, властно прижал женщину к стене. Ощерив хищный оскал, придавил к её шее холодную острую сталь.

– Где твой муж? – гаркнул он ей в лицо, и волна зловония заставила Наташу поморщиться. Она ещё не поняла, что случилось, а ноги уже ослабели, и бандиту пришлось подхватить её на руки.

Очнулась она от звонкого голоса дочери. Ничего не понимающая девочка запросто разговаривала с мужчинами и, казалось, ничуть их не боялась.

– Папа скоро придёт и принесёт мне шоколадку. – важно заявила девчушка, сидя на руках амбала и заглядывая тому прямо в глаза. Мужик осклабился, покачивая головой и подыгрывая малышке. Пухлые щеки его покраснелись, а на лбу выступили капельки пота.

– Прям целую шоколадку? – недоверчивым тоном произ-

нёс он. Девочка нахмурилась, задумалась и, надув губы, выдала уверенным тоном.

– Угу, – голова её качнулась в утвердительном жесте, от чего рыжие пружинки волос потешно подпрыгнули. – И ещё подарки!

– Подарки, – сощурил мужчина глаза, опуская Светлану на пол, – подарки – это хорошо. Ну, беги к маме.

Усадив женщину на стул, второй налётчик аккуратно облокотил её спиной о стену и, нервно поправляя рукава, отошёл к окну.

Наташа тут же прижала к себе подбежавшую девочку и уставилась на мужчин взглядом волчицы.

– Кто вы такие? – голос Натальи хрипел и срывался. Рваные скомканные движения пальцев, перебирающие складочки на застиранной маечке дочки, с головой выдавали нервозность.

Лысый бандит и ухом не повёл, так и оставшись торчать у окна. Долговязый же, коротко цыкнув, уселся на стул напротив женщины и положил острые локти на стол.

– Не бузи, краля. Рыжий задолжал хорошему человеку деньги. Сегодня срок оплаты закончился. Мы пришли, – криво усмехнувшись, он окинул её оценивающим взглядом, – за тобой.

– Что? – кровь отлила от лица, и так уже бледные губы приобрели синеватый оттенок. Прижав дрожащую ладошку ко рту, второй она ещё крепче притянула к себе ребёнка.

Светлана не вырывалась. Она крепко прильнула к груди матери, обвив её шею тоненькими ручонками. Лысый амбал повернулся. Острый, как лезвие, взгляд бандита мгновенно оценил обстановку. Вытащив из кармана свободных брюк телефон, он неспешно набрал номер.

– Твоя семья у нас. Если ты хочешь увидеть их живыми, знаешь, что делать. Время до вечера. В следующий раз я уже не буду таким добреньким, – сбросив звонок, лысый скуповкинул долговязому и молча пошёл прочь.

Тощий бандит звонко цыкнул сквозь зубы и, весело подмигнув девочке, так же покинул квартиру.

Когда дверь захлопнулась, Наташа выдохнула и позволила себе расслабиться. Женщина медленно опустила голову на лежащие на столе руки и разрыдалась. Широко распахнутыми глазами маленькая Светочка жалобно смотрела на маму и гладила её по спине тёплой ладошкой. За все свои четыре года девочка ещё ни разу не видела столько горя и боли в любимых глазах. Она растерялась и не могла понять, что ей следует сейчас делать. Не придумав ничего лучшего, зеленоглазая малышка расплакалась вместе с мамочкой.

Глава 3

2021 год. Июнь

В ярких цветных трусиках и маечке Варюша выскочила на улицу. Было ещё только утро, а палящее солнце окрасило землю в радужные тона, осветив и разукрасив мир яркими красками. Птицы всю горланили песни, словно соревнуясь

и стараясь перекричать друг друга. Дурманивший аромат деревенского быта завораживал городских гостей своим провинциальным уютом.

Следом за дочерью выползли и родители. Даже издалека можно было увидеть, как медлительны и осторожны движения побледневшей женщины и как неуверенно, в недоумении оглядывается на неё супруг.

– Дашуль, может, съела что? – не отставал от жены Даниил, настороженно провожая взглядом выкрутасы беспечной дочурки.

– Наверное... – скупно согласилась та, вновь прижимая ладони ко рту.

– Может, тебе лучше остаться в доме? Мы с Варюхой вдвоём порыбачим? – с надеждой заглянул в глаза женщине Даниил. Он понимал, что в таком состоянии жена не сможет расслабиться и не даст им спуска.

– Нет... – испуганно дёрнулась Дарья, угрюмо покосившись на оживлённую деревеньку. Старики снова повылезали из своих нор и провожали приезжих тяжёлыми недружелюбными взглядами.

– Я не останусь тут одна... с ними. Брр, – женщина зябко поёжилась и твёрдым шагом поспешила за девочкой. Отец семейства вздохнул и, улыбнувшись пристально смотревшей на него неприветливой соседке, вежливо кивнул.

– Доброе утро! – та продолжала молча смотреть, хмурясь, как и все старики. Даниил виновато пожал плечами, взял в

руки приготовленные загодя снасти и поспешил за своими девочками.

Отбыв полугодовую вахту на борту рыболовецкого судна посреди бескрайних студёных вод, Даниил радовался выпавшей возможности понежиться на солнышке в тихом уютном местечке. Он искренне не понимал недовольства жены. Ему хотелось раскинуть руки, упасть в пушистую траву и, закрыв глаза, с наслаждением погрузиться в ароматную негу. Или подпрыгнуть высоко-высоко, вдохнуть полной грудью аромат дикой свежести и закричать! Что есть сил издать ликующий крик, возвестить всему миру, как сейчас он прекрасен! Парень жаждал поделиться со всеми неистовым восторгом, раввшимся, казалось, из глубины его чуткой души. Только жена почему-то отвергала все его попытки втянуть её в созерцание живого чарующего превосходства стихии. В глазах её он с удивлением ловил озабоченность и... страх. В сердце мужчины с каждым часом росло беспокойство, он искренне не понимал, что творится с такой всегда трепетной и отзывчивой девушкой. Но даже хмурое выражение лица Даши не могло нарушить давно взлелеянные планы. Он шурился от ярких лучей, упивался ими и мысленно сливался с наслаждением, вдыхая витающий аромат цветущего лета.

Под сенью деревьев дрожание воздуха перестало волновать взор, и дышать стало намного легче. Девчата уже скрылись за поворотом, как Даниил обратил внимание на треск

веток неподалёку. Неужели за ними следят старики? Зачем? Мужчина в недоумении затаил дыхание, спрятался за ближайшим деревом и застыл. Внезапный порыв ветра расстрепал пушистые ветви. Потревоженная листва взорвалась тихим шелестом. То здесь, то там, иссушенные изнуряющим пеклом, с лёгким шорохом скукоженными самолётками спланировали вниз сухие листочки. Деревья будто бы преобразились, скинув гниющий груз под свою сень, и вновь задышали юной свежестью. Даниил подобрался, как хищник в засаде, не обращая внимания на шелестящий листопад. Долго ждать не пришлось. Небрежно раздвигая ветви густого кустарника, на дорогу вывалился плешивый мужичок. В руках старик держал куклу. Обычную, пластмассовую, с папкой белых волос и ярко-алыми губами. Не заметив парня, плешивый направился напрямик за девушками.

– Ты чего это удумал, дед? – шагнул из-за дерева Даня. Тот резко шарахнулся в сторону, едва не расшибив лоб о дерево.

– Свят, свят, свят. Чаво пугаешь, ирод? – замямлил старик, закатывая глаза и хватаясь свободной рукой за льняную рубаху у сердца. – Чуть Богу душу не отдал.

– А ты зачем следишь за нами? – не остался в долгу Даниил, крутя в пальцах сухую веточку. – Что мы вам сделали, а, старики-разбойники? – веточка с хрустом сломалась.

– Да на что вы мне? Я вона, енту, – дрожащей рукой он вытянул вперёд куклу, – задобрить... Пора уж... Время...

– Ты что мямлишь? Говори прямо.

– Да шо говорить, пошли покажу, эх... – горестно махнул рукой дедок и продолжил свой путь. – Зря не уехали...

Вскоре они уже нагнали и Дашу с Варюшей. У девушки при виде старика с куклой натурально отвисла челюсть.

– Дань? – едва начала она, но плешивый её строго прервал.

– А баба твоя с дитём пушай тута ждут. Негоже идти им туды, – парень виновато пожал плечами и, пообещав быстро вернуться, поспешил за дедулей.

Взяв на руки испуганную девочку, Дарья, нахмурившись, проследила взглядом за мужем, пока он не скрылся из виду, и медленно пошла вслед. Ещё не родился тот мужик, который ей будет указывать! В глазах блеснуло упрямство, а уголки губ дрогнули в ехидной улыбке.

Шум воды с каждым шагом слышался всё отчетливей, и старикашка заметно ускорился. Даниил едва за ним поспевал. «Вот тебе и дедок», – хмурился он. Внезапно деревья расступились, и задыхающийся мужчина чуть не врезался старому в спину. Дед стоял на высоком обрыве и печально смотрел в реку. Солнце сюда ещё не дошло, и вода казалась свинцовой. Даниил, тихонько обойдя старика, стал с ним рядом и недоуменно посмотрел вниз. Тёмный, глубокий омут, казалось, дышал, лениво ворочая тяжёлые воды. Мужчина потряхнул головой, нет, показалось, черная муть была неподвижна, как ведьмино зеркало.

– Что там? Я ничего не вижу.

– Не дай Господь, – поспешил перекреститься мужик и побрёл куда-то в сторону. Парень открыл было рот, чтобы спросить, как наткнулся взглядом на дерево. Сухое и кряжистое, оно росло почти над самым обрывом, свесив вниз тяжёлые ветви, увешанные страшными плодами. Маленькие, большие, голые пупсы и нарядные модницы – все они безмолвно висели на ветках, как диковинные дары. Руки и ноги их, неестественно выгнутые, создавали причудливое хитроspлетение, вычурный экзотический коллаж. Однако лица повешенных все смотрели на реку, будто бы в ожидании чего-то или кого-то. Эта картина была столь необычно гротескна, что Даниил застыл с отпавшей челюстью, потеряв на время дар речи. Дед же спокойно приблизился к местному колориту и пристроил в ветвях очередной пугающий дар.

– Вот так. Пушай поиграет. А вы, – повернулся он к Даниилу, чьи глаза панически блестели, – езжайте отсель под добру-поздорову.

Еще раз взглянув в чёрную бездну притихшей реки, старик повернулся и, не смотря на мужчину, уверенно зашагал прочь. Тот, испугавшись остаться один на жутком обрыве, спеша и спотыкаясь кинулся за дедом, но странно, того уж и след простыл. Зато Даниил сходу налетел на жену.

– Чёрт, – вскрикнула женщина, едва не выронив дочь, и настороженно воззрилась на мужа.

– За тобой что, черти гонятся?

– Я бы не удивился... – проронил парень, отряхиваясь

и подбирая упавшие снасти. Лицо его кривила дёрганная улыбка. – Пошли лучше в другое место.

– А там? – подняла Даша брови, опуская Варюшу на землю.

– Там обрыв, и до реки далеко, – стараясь, чтобы голос не выдал волнение, пояснил мужчина. Он тщательно отворачивался, чтобы не столкнуться с пристальным взглядом жены, и поэтому первый заметил, как дочь тянет какую-то ткань из-за дерева.

Девочка вприпрыжку неслась по лесной тропинке. Родители остались далёко позади, и любознательная малышка чувствовала себя волшебной феей из любимого мультика. Шаловливый ветерок трепал светлые прядки волос, то и дело швыряя их в лицо, запихивая в рот, щекоча нос. Тёплыми ладошками Варя смахивала кудряшки, весело хохоча в ответ незримому забияке. Пушистые кроны высоких деревьев скрадывали солнечные лучи, и в лесу царила атмосфера сказочной таинственности. Вдруг девочка встрепенулась, ей почудилось, будто бы ветерок заговорил с ней.

– Давай поиграем? – услышала она сквозь шелест листвы и пение птиц. Это было так удивительно, невероятно. Девочка замерла, улыбаясь во весь рот, и оглянулась. Родители уже близко и скоро нарушат очарование волшебства.

– Давай поиграем! – уже более чётко прозвучали слова, и белая ткань мелькнула за деревом. Варюша подпрыгнула

и радостно поскакала туда. Она твёрдо верила, что там прячется фея.

– Поиграем, поиграем, – смеялась она, глядя в распахнутые глаза цвета неба под кружевом нарядного чепца.

– Варюш, ты что там нашла? – поспешил к ней отец. Даша, не отводя глаз, смотрела на то, как дочка несёт к ним, прижимая к груди красивую фарфоровую куклу.

– Ей страшно и холодно тут одной. Лили попросилась ко мне.

– О, какая красивая кукла! – восхитилась женщина. – Ты ей имя дала?

– Нет, её так зовут, она сама мне сказала. Правда, Лили? – проворковала малышка, покачивая куклу в руках. Родители озадаченно переглянулись.

– Мама, можно я возьму её себе? – заканючила девочка, прижимая к маечке драгоценную находку. «Странно», – подумала женщина, кукла лежала в лесу на земле, а совсем не испачкалась. И вообще, казалось, что она совсем новая, буквально из магазина.

– Ну пожалуйста, пожалуйста! – взмолилась девочка, жалобно глядя папе в глаза, словно в самую душу. Тот, не сумев отказать, простодушно пожал плечами и кивнул головой в сторону матери, будто возлагая на ту весь груз ответственности за любое решение... Дарья нахмурилась и озабоченно задумалась. В лесу ни души, может, её потерял тот старик?

– Милая, давай вернёмся в деревню и поищем хозяйку

Лили. Такую дорогую куклу не могли бросить просто так. Наверняка её потеряла какая-то маленькая девочка и сейчас горько плачет.

– А если никто не терял, можно Лили будет жить с нами? – жалобно прошептала Варюша, заглядывая в голубые глаза куклы. – Она очень хочет остаться со мной! – прижав к себе игрушку, девочка, пританцовывая, закружила по тропинке в сторону обрыва. Оба родителя, не сговариваясь, кинулись за ней. Поймав дочь в двух шагах от отвесной пропасти, Даниил притянул её к себе, отворачивая от злополучного дерева. К счастью, малышка была полностью поглощена своей находкой и не обращала внимания ни на что вокруг. В отличие от неё, Дарья, убедившись, что жизни ребёнка ничего не угрожает, с любопытством оглядывалась, ровно до того момента, как взгляд её уперся в дерево. Молниеносная боль скрутила живот, и молодая женщина с криком повалилась на землю. Глаза её расширились, а губы побелели. Скрюченные пальцы скребли сарафан на животе, пытаясь сорвать с себя прочный обруч опоясывающей боли. Даниил, не выпуская малышку, плюхнулся на колени возле жены, помогая ей подняться.

– Что с тобой, родная? Тебе плохо? Что у тебя болит?

– Ребёночек болит у мамы в животике, – как бы невзначай проронила девочка. Широко раскрыв глаза, из-за плеча отца она смотрела на дерево, и все кукольные лица были повернуты к ней. «Давай поиграем... Давай поиграем...» – незри-

мо швырял ей в лицо шалопай ветерок.

О рыбалке в тот день никто даже и не вспомнил.

До деревни шли молча, лишь Варюша что-то увлечённо шептала на ушко безмолвной подружке.

Даниил озабоченно хмурился, видимо, подсчитывая про себя сроки и каждый раз неумолимо приходя к одному и тому же неутешительному результату. Полгода на вахте – это достаточный срок, чтобы Даша могла сообщить ему о беременности, а с тех пор, как он вернулся, не прошло и недели. То есть, как ни крути, этот ребёнок не может быть от него. Но как же так? Ему хотелось выть и рвать на себе волосы. Его Даша... Его нежно любимый цветочек... Как же она могла? Почему не оправдывается, не просит прощения? Он искоса глянул на девушку, та медленно плелась, виновато опустив голову. Тёмные локоны свесились на лицо безжизненными сосульками. Она как-то сразу осунулась, похудела. Как он мог не заметить эти огромные круги под глазами на бледном усталом лице? Под глазами, которые совсем недавно светились любовью, а сейчас потухли, как мёртвые кратеры. Даниил оступился и, чуть не упав, ухватился за руку жены, та с готовностью поддержала мужа, поймав его затравленный взгляд. Он с головой ухнул во влажные озёра некогда искрящегося оникса, отчаянно стараясь прочитать в них желанный ответ, опровергнуть безмолвную правду. Губы девушки дрогнули в виноватой улыбке, расплескав в глубине

глаз безмерное раскаяние. Даниил отшатнулся, как от удара хлыстом. Он всё понял без слов, волна жгучего гнева затопила его, и он отвернулся от девушки, пытаясь скрыть свои чувства. Даша невольно поёжилась, всем существом интуитивно ощутив мгновенную перемену в муже. На глаза навернулись слёзы. Жалость к самой себе, пробившись тонким росточком, созрела в груди и расцвела буйным цветом по всем трепетным жилкам, во все потаённые уголки души. «Что же делать, как быть?» – ураганом проносились мысли, ей хотелось упасть на колени и молить у Даниила прощенья, но она молча продолжала идти. До боли сжав кулаки и до хруста стиснув челюсти, он размеренно шагал рядом с ней. Не потому, что так сразу простил её, а потому, что рядом с ними шёл самый важный человечек в их жизни. Беззаботной бабочкой от цветка к цветку скакала белокурая наивная малышка, чью жизнь они не имели права испортить своими склоками и предательством.

Глава 4

1999 год. Июнь

Папа пришёл с работы такой радостный, что маленькая Лиличка аж в ладошки захлопала.

– А поехали в парк? – предложил он, и девочка радостно завизжала. Мама тоже обрадовалась, накануне она купила себе новый пышный сарафан, который срочно нужно было выгулять.

– Дениска, ты чего это какой-то хмельной, что ли? – спро-

сила Марина, чмокая мужа в подставленную гладкую щёку.

— Мариш, да это я просто от вас балдею, красавицы мои! — подхватил мужчина одной рукой хохочущую дочь, а другой — любимую женщину и весело закружил по комнате.

— Ура! — кричала девочка, болтая на лету ножками, — мы идём в парк, на карусели!

— Будем кататься на каруселях и есть мороженое! — подхватил папа, а молодая женщина рассмеялась.

Позже, когда всё семейство погрузилось в новенькие белые жигули седьмой модели, Денис всё-таки раскрыл им свой большущий секрет. Дела у фирмы в последнее время шли хорошо, и на днях ему удалось заработать приличную сумму.

— Подумай, малыш, о чем мы с тобой мечтали совсем недавно? — сощутив глаза цвета насыщенного изумруда с мелкими жёлтыми крапинками, мужчина хитро взглянул на жену. В её глубоких синих глазах плескалось задорное изумление.

— Неужели... Девятка? — комично округлила глаза женщина, прижимая ладони к щекам, не до конца веря в свалившееся счастье.

— Да, дорогая, как ты и хотела, — парень забавно поиграл бровями и фальцетом затянул, — твоя вишнёвая девятка меня совсем сума свела...

— Милый, ты не шутишь? — замерла Марина, раскрыв рот и вопрошающе заглядывая в глаза мужа. Видимо, разглядев

там немой ответ на свой рвущийся из самого сердца вопрос, она, едва шевеля губами, выдохнула. – Не может быть...

Тут же подбежала удивлённая девочка и запрыгала вокруг родителей, теребя в кулачке быстро таявшее лакомство в ватфельном стаканчике.

– Представляешь, как мне повезло, – щёлкнул по носу озорную девчущку мужчина и радостно повернулся к застывшей жене, глаза её горели неистовым восхищением. Неужели её мечта сегодня осуществится! – Только открыл газету, и сразу наткнулся на объявление. Прямо то, что нам нужно, и стоит недорого. Я сразу же позвонил. Продавец – молодой парень, откликнулся быстро, как будто бы ждал звонка. Оно и немудрено. Такая машина по низкой цене. Думаю, у него отбоя нет от покупателей, поэтому я медлить не стал и сразу же договорился. Ну а нашу ласточку, – Денис кинул влюблённый взгляд на ухоженную семёрку, – потом продадим. Тоже дам объявление. Пока не успел. Что скажешь? – смеющийся взгляд упёрся в жену. Та всё ещё не верящими глазами пожирала рассказчика, ловя каждое слово супруга и как бы пробуя его на вкус. На последних словах женщина встрепенулась и, издав счастливый визг, повисла у мужа на шее.

Погода стояла по-летнему изумительная. Солнце ещё не душило в своих палящих объятиях, но уже обещало жаркий засушливый июнь. Трава на газонах манила своей сочной зеленью, а в чудесном фонтане посреди парка, забавно чири-

кая, плескалось полчище воробьёв. Вдоль выложенных тротуарной плиткой широких дорожек росли высокие тополя, украшая парк и спасая отдыхающих от изнуряющего зноя своими пышными кронами. Народу было немного, то тут, то там слышались детские визги и залиvistый смех. По дорожкам бродили гордые мамочки, толкая перед собой разнообразные коляски и сюсюкая с любимыми чадами. Однако основная часть посетителей подтянется к вечеру, когда школьники всех мастей и учебных заведений отработают свою ежедневную каторгу на практике и со спокойной душой прибегут покорять чёртово колесо.

Мужчина нервно улыбнулся жене и достал из кармана новенький сотовый с черной блестящей антенной. Кинув быстрый взгляд на экран, он запустил пятерню в светлые кудри и виновато покосился на дочь.

Подхватив перепачканную мороженым девочку, молодой отец весело подмигнул женщине и направился к стоянке, где сверкающий зверь отечественного автопрома сиротливо дожидался своего последнего звёздного часа.

– Папа, ну, папа, пусти! – недовольно брыкалась девчушка, не желая так быстро покидать излюбленный парк.

– Лилюш, мы сейчас съездим ненадолго по делу и быстро вернёмся, лады? – уговаривал отец насупленную дочь.

– И покатаемся на колесе? – капризно сузив глазёнки, начала торговаться малышка.

– Ух, какая ты у меня умная, – улыбнулся Денис.

– Интересно, в кого? – подхватила Марина, хитро улыбаясь, от чего на щеках кокетливо обозначились ямочки. Глаза мужчины похотливо вспыхнули, и, облизнув сухие губы, он многозначительно задумался.

– Мм, надо бы обсудить это вечером поподробней, – наконец выдавил он, и оба рассмеялись.

Телефонный звонок оборвал громкий смех. Опустив при- тихшую Лилию на землю, Денис поднес к уху новенький Си- менс.

– Алло, да, я понял. Ждите на остановке, скоро подъеду. – и, убрав трубку в карман, распахнул дверцу машины.

– Продавец уже ждёт, – прошептал он на ушко жене и нежно поцеловал зардевшуюся щечку.

Автомобиль тронулся с места, и тут девочка словно при- липла к окошку.

– Папа, смотри, какая красивая кукла! – восхищенно вос- кликнула она, тыча липкими пальцами в боковое окно. – Ку- пи куклу, папа! Хочу эту куклу! – в голосе проскользнули нотки отчаяния, и Денис вместо того, чтобы успокоить дочь обещаниями, надавил на тормоза. Повернув к удивлённой жене вихрастую голову, он, растерянно дёрнув плечом, про- изнёс:

– Почему бы и нет? В конце концов, мы тоже едем себе за игрушкой. Ну-с, – обернулся он к дочке, – идём покупать?

– Да! – радостно захлопала в ладоши девчушка, торопли- во покидая машину. Уже через несколько минут она снова

сидела на заднем сиденье, бережно прижимая к груди нарядную фарфоровую куклу.

– Дорогой, а не рано ей такие игрушки? – усомнилась Марина. – Она же может разбиться.

– Маришь, ну почему сразу разбиться? Лилия очень аккуратная девочка. И потом, у ребёнка должно быть счастливое детство. Пусть играет себе на здоровье, – улыбнулся отец, заговорщически подмигивая довольной малышке в зеркало заднего вида.

Позже они подобрали на остановке дёрганного худенького паренька с неприятными бегающими глазками. А ещё позже уже покидали родной городок, мчась наперегонки с летним ветром в сторону старой малоизвестной деревушки. По словам продавца, именно там у бабули в гараже и томилось желанное чудо ВАЗ 2109 цветом спелой вишни, как поётся в убойном шлягере у «Комбинации».

2021 год. Июнь

– Дань, давай поговорим, – жалобно заглядывая супругу в глаза, выдохнула оробевшая женщина.

– Ну что ж, давай, рассказывай, – выдавил из себя тот, отворачиваясь к окну, чтобы не видеть её глаз, лучше уж наблюдать, как Варюша играет со своей чудесной находкой. Женщина побледнела, в отчаянии заламывая руки.

– Ты должен понять меня, я всегда любила только тебя... – короткий смешок не дал ей закончить.

– Настолько любила, что прыгнула в койку к другому? – волна возмущения поднялась в груди у мужчины. Что она говорит, как же так? – Кстати, совсем забыл спросить, кто же счастливый отец? – хриплый шепот сорвался со сжатых в тонкую линию губ. Даша молча потупилась.

– Прости, Дань, я не хотела... Я правда не знаю, как так получилось. Я виновата, я очень виновата, прости!

– Простить? – он повернулся так резко, что женщина в страхе отпрянула. – Для тебя это так просто? Взять и простить? Что простить? То, что пока я замерзал на семи ветрах в ветхом суденышке посреди моря, ради нашей семьи, между прочим, ты кувыркалась в постели с другим? Или то, что я верил всем сердцем своей жене, а она растоптала доверие, наплевала мне в душу и предала? Что, Даш? За что ты про- сишь прощение? За то, что разбила нашу семью?

Дрожащими от волнения и от негодования руками он крепко вцепился ей в плечи и сильно встряхнул.

– Скажи, когда ты предавалась любовным утехам, о чём ты тогда думала? Обо мне? О дочери? Или о том, кто в тот момент целовал тебя и ласкал на супружеском ложе? – совсем потеряв голову, Даниил шипел ей в лицо, а голос его срывался на хрип. Женщина вырвалась и разрыдалась.

– Ни о чём! – закричала она в ответ, сгибаясь от приступа боли. – Ни о чём я не думала! Я была пьяна!

– Вот как, ещё и пила! А где же была наша дочь? – нахмурился парень, стараясь успокоиться и взять себя в руки.

«Это же Даша, моя горячо любимая девочка», – каждый раз напоминал он себе, когда хотелось кричать и бить кулаками ни в чём не повинную стену. – Как можно вести себя так беспечно? А если бы что-то случилось? – напряжённо меряя шагами небольшую комнату, Даниил мрачнел всё сильнее. Даша все так же рыдала, прислонившись к стене и спрятав в ладонях лицо.

– Ты убила меня, понимаешь? – прошептал он в отчаянии, вытирая со щёк солёную влагу. Он так и не мог всё понять и принять. Ему казалось, что это всё сон и сейчас он проснётся в объятиях любимой.

– Кто он? Я хочу знать! – голос его зазвенел стылým льдом, женщина вздрогнула, но лишь крепче стиснула зубы. – И что, каждый день?

– Это было лишь раз, я клянусь тебе...

– Избавь меня от своих лживых клятв! – отмахнулся мужчина, беря себя в руки. Бросив короткий взгляд в окно, он застыл.

У калитки стояла соседка и о чём-то беседовала с Варей. Девочка неловко переминалась с ноги на ногу и умоляюще косилась на дом. К груди она что есть сил прижимала лесную находку.

– Варюша, – выдохнул парень и кинулся прочь из дома.

– Папа, папочка, эта тётя хочет забрать Лили! Не позволяй ей! Лили не хочет к ней, она хочет остаться с нами. –

прижимая к груди игрушку, девочка вприпрыжку подскочила к отцу и доверчиво прильнула к нему всем телом. Светлые кудряшки трепал легкий ветерок, обдувая влажное от пота румяное личико.

– Что здесь происходит? – подхватив дочь на руки, обратился Даниил к старушке. Та всё так же, как и раньше, стояла, не шевелясь, не сводя пристального взгляда с фарфоровой куклы. Лицо женщины побледнело, подбородок дрожал, а губы были сжаты в тонкую линию. В руках соседка теребила синий ситцевый платочек. Мужчина вопросительно уставился ей прямо в глаза.

– Зачем вы пугаете ребёнка? Это ваша кукла?

– Нет, и не ваша! – сказала, как плюнула, женщина, переводя взгляд на соседа. Светло-голубые блёклые глаза её с тревогой заглядывали, казалось, в самую душу растерянному мужчине. По позвоночнику пробежал холодок, и Даниил заметно поёжился.

– Да, не наша, мы... Варя нашла куклу в лесу и хотела отдать её хозяйке. – старуха отшатнулась и размашисто перекрестилась.

– Вы не знаете, что говорите. Тут все куклы Её! Их нельзя брать. – залепетала бабка, суетливо оглядываясь. В окнах соседних домов можно было различить старческие бледные лица.

– Я не понимаю, чьи? Вы можете мне объяснить? – нахмурился мужчина, выпуская из рук вертлявую девочку. Та,

очутившись на свободе, тотчас помчалась прочь, туда, где на крылечке показалась и мать.

– Мама, мама, эта тётя плохая! – звонко кричала Варюша, округлив голубые глазёнки, губы её мелко дрожали, а пальцы крепко сжимали дорожную игрушку. Прижав к себе испуганную дочь, Даша увела её в дом.

Проследив за ними встревоженным взглядом, Даниил вновь обернулся к соседке, но той уже и след простыл. Нервно дёрнув плечом, молодой человек огляделся и, заметив у краешка леса того самого старика, что показал обрыв, не задумываясь пропустил за ним.

– Стойте, подождите! – задыхался мужчина, спеша за резвым дедулькой. – Пожалуйста, подождите, прошу вас! – старик обернулся и хитро прищурился.

– А, приезжий, вы ещё здесь? Уезжайте, пока не поздно!

– Да объясните же мне, почему уезжать? Что мы вам сделали? – обескураженно вымолвил Даниил. Он, согнувшись, стоял и пытался отдышаться от быстрого бега, не спуская глаз со старика. Тот, почесав куцую бородёнку, огляделся вокруг и, заметив так удобно лежащее дерево, уселся на шершавый коричневый ствол. Недолго думая, Даниил пристроился рядом и застыл в ожидании.

– Не знаю, что и сказать тебе, паря... Лихие места у нас. Раньше, по давности, в лесу нашем капище было, жертвы богам приносились, кровавая жуткая дань, как раз там, где мы были вчерась. Деревенька-то наша на костях и крови стоит,

неупокоенные души тут бродят. Ты вот заметил, что в селе одни старики и остались? – внимательно он покосился на мужчину, тот скупно кивнул. – Раньше ж и дети, и внуки тут были. Но на обрыв тот никто не ходил. Плохие места там. А лет двадцать назад стали пропадать малыши. Да потом и всплывали тела их в том клятом омуте. Говорят, ведьма сидит там и душами детскими питается, для лихого дела, видать, сил набирается. Родители же кто свихнулся от горя, а кто в город уехал, увозя чад своих подальше от проклятой речки. Так и не стало здесь жизни. А по ночам стали плачь детский слышать. Будто бы девочка плачет и поиграть с ней просит. Многие видели туман странный в омуте и вроде оттуда исходит тот плач. Стали мы кукол носить ей – пущай лучше с ними играет, чем деток наших топить – да на дерево подарки и пристраивали. Думали, авось поутихнет, бедняжка, да перестанет малых утягивать. Но ошиблись мы. Не уследили. И я не уследил за Маняшей моей. Сгинула внучка, лишь тело безжизненное выплюнула река. – голос старика дрогнул, он скупно смахнул с глаз солёный жемчуг и жалобно глянул на Даниила. – В это самое время всё и случилось, когда сочная зелень только тянется к солнышку и жизнь расцветает кругом. Уехать вам надо, не то потеряете дочку. Ведьме нежная душа ребёнка как самое сладкое лакомство.

– Ты прям Шахерезада, дед, сказками сыплешь. Ну какие в наш век приведения? Ты сам его видел? Нет? А что ж гово-

ришь? – старик покачал головой и сплюнул под ноги в сердцах.

– Ну что вы за люди-то, молодежь. Фома неверующий. Жаль пигалицу твою только. Загубит её речная ведьма.

– Да что ты заладил, – отмахнулся Даниил, – ведьма... ведьма! Ты сам-то знаешь, кто это?

– Да откель мне знать, Бог с тобой! Я пожить ещё хочу, чего и тебе желаю! Эх... – махнул дед рукой и, тяжело поднявшись, поплёлся в деревню, бурча себе что-то под нос.

Даниил не спеша поднялся, отряхивая защитного цвета широкие шорты от сухой древесной трухи, и направился в дом. Не стоит упоминать этот бред. Пугать девчат он не станет. При мысли о Даше сердце вновь предательски дрогнуло. Всё-таки сильно он любит жену, даже после такого удара.

Ступая в резиновых сланцах по мягкой траве, Даниил ощущал приятную щекотку. Солнце нещадно слепило глаза. Сейчас, при дневном свете щедрого светила, он даже и мысли не мог допустить, что старик в чём-то прав. Хотя сам же ощутил тогда на обрыве щемящую душу тоску. А чего только стоит кукольное дерево. «Бррр, просто жуть. Может, и вправду уехать?» – задумался он, но тут же потряс головой, прогоняя тревожные мысли. Не хотелось ему думать об этом, как и о страшном предательстве Даши. На самом пороге приютившего их дома мужчина зажмурился и с силой надавил на глаза пальцами, быстро растёр щеки ладонями и взъерошил светлую шевелюру. Всё, самое время взять себя

в руки и сделать вид, что всё хорошо, ведь там ждёт Варюша – крошечный человечек, кусочек родимой души.

Глава 5

1999 год. Июнь

Она молча стояла, испуганно округлив глазки, а сердце в груди замерло трепетным зайчиком. Не по годам маленькая и худенькая девочка с забавной рыжей копной на голове. Во все глаза Света смотрела на то, как плачущая мама, кусая бледные губы, суматошно швыряла в сумку их вещи. А папа растерянно комкал в руках смятые купюры.

– Наташ, перестань, ну куда ты пойдёшь? Подумай о дочке...

– О ней я и думаю!

– Ну посмотри, я ж принёс деньги, я ж обещал... Оставайся...

– Деньги? – глаза женщины презрительно сощурились. – Ты нам деньги принёс или себе, чтобы завтра их проиграть?

– Нет, я клянусь...

– Ха, бывали там, знаем... – нервным смешком перебила она и, застегивая тугой замок на клетчатой сумке, грубо ткнула в грудь мужа трясущимся пальцем.

– И не смей за нами идти! Понял? Иначе милицию вызову! – смахивая с глаз злые слёзы, Наташа выхватила из рук притихшего мужа пачку банкнот и, сунув их в карман широких штанов, взяла за руку сникшую дочь.

– Мамочка, я не хочу... А как же папуля? – захныкала

Света, понимая, что происходит что-то очень серьёзное.

– Всё хорошо, милая, – наклонилась над дочкой Наташа, убирая за ушко непослушную прядку, – вот увидишь, малыш, всё теперь у нас будет хорошо! – и, чмокнув крошку в веснушчатый нос, подтолкнула на выход.

А он так и остался стоять. Глаза затуманила пелена безысходности, пустоты и отчаяния. Как же так? Он же всё сделал для них! Взял на душу тяжкий грех, лишь только бы их отпустили. Он правда недоумевал, как Наташа могла его бросить. Ему и в голову не пришло, что во всём виноват лишь он сам и его пагубные привычки.

Он не хотел отпускать их, душа рвалась следом, но злые угрозы жены не давали и шагу ступить. Сейчас ему, как никогда, нельзя иметь дело с милицией. Ноги парня подкосились, и, рухнув на ветхий диван, он в бессилии разрыдался.

2021 год. Июнь

Неуловимое тягостное уныние будто бы нависло над домом. Оно было вязким и почти осязаемым в преддверии неотвратимой и страшной беды.

Ночь была одуряюще душная, и женщина никак не могла уснуть, ворочаясь в одиночестве на влажных простынях. Даниил взял тайм-аут, отказавшись от дальнейших разборок, и лег спать с Варюшей. Конечно, с малышкой должна была лечь она, но тянущая боль в животе мешала Даше расслабиться. Женщина боялась потревожить сон дочери нечаянным вскриком и позволила мужу занять её место. О том, что-

бы спать вместе, как прежде, теперь не было и речи. Хмурый мужчина не смотрел на неё, всего себя посвящая любимой дочурке. Даша, как никогда, чувствовала себя одинокой и всеми покинутой, отверженной лживой предательницей. Хотя надо отдать должное Даниилу. Даже получив такой жёсткий удар, он сумел удержать себя в руках. Не опустился до мелочных упрёков, злословий и оскорблений. Держался мужчина стойко, и Даша надеялась, что, когда она избавится от плода своего разврата, они сумеют склеить разбитую чашу.

Вымотанный за день мужчина, несмотря на душевную боль, заснул сразу, едва голова коснулась подушки.

Вот тихо скрипнула половица и хлопнула дверь. Женщина озадаченно выглянула в окно и едва успела уловить маленький силуэт, быстро углубляющийся в лес.

– Варя?! – сонливость как рукой сняло, и женщина метнулась в тесную спальню. Муж спал один. Мгновенно всё понимая, она грубо толкнула мужчину и выскочила за дверь в чём была. Влажная ночная сорочка путала ноги и, подхватив руками невесомый подол, женщина устремилась в глубь леса. Рядом слышались быстрые шаги, и Даниил скоро догнал жену.

– Где она?

– Там, – бежать было больно и, хватаясь за низ живота, Даша махнула рукой в едва видные дебри.

Луна низко висела на небе, освещая им путь. Лес словно

замер, и гнетущая тишина воцарилась в пространстве. Она, будто дикий недовольный зверь, ворочалась в темноте, не пропуская сквозь пышные кроны призрачное серебро ночного светила, забивая уши комковатой ватой, путая ноги в высокой траве. Ветви низких деревьев вдруг превратились в корявые лапы с длинными узловатыми пальцами. Они хватали бегущих за волосы, тянули и рвали одежду, стремясь исцарапать, поймать в колкие сети и не пустить туда, где вершилась очередная судьба.

На обрыв Даниил выскочил первым и в ужасе остановился. У самого края спиной к нему стояли две маленькие фигурки. В белёсых кудряшках обоих запутался лунный свет. В фигурке поменьше он узнал Варю. Девочка молча стояла, прижав к себе куклу. Такая хрупкая и беззащитная. В беленьких трусиках со сползшей на одно плечико тоненькой маечкой она безмолвно застыла на самом краю. Другая же медленно повернулась к мужчине, и на голове у того поднялись волосы.

– Давай поиграем... – шелестом листьев, шёпотом летнего ветерка промчалось волной. Швырнуло в лицо затхлым запахом речной тины. Попыталось отбросить, но он устоял. Тело оцепенело, глаза вылезли из орбит. Сжав кулаки, он немилосердно впился ногтями в ладони, не в силах отвести глаз от незнакомки.

С бледного пятна, бывшим когда-то её лицом, на него пялились пустые провалы глазниц. Кожа вдруг стала чернеть

и съёживаться, падая вниз рваными лохмотьями, губы раз-
верзлись, трескаясь и оплывая. Провал рта всё ширился, раз-
двигаясь, превращаясь в кромешную адскую бездну. Сзади
жалобно пискнула выскочившая на поляну Даша. Её вскрик
и вывел мужчину из ступора. Сковавшие было дрожащее те-
ло незримые путы опали, и он, отчаянно рыча, кинулся к до-
чери. Тварь, угрожающе щёлкнув зубами, в полном молча-
нии сверзилась в реку.

Поняв, что не успевает, Даниил напряг все мышцы в по-
следнем отчаянном рывке. Ему показалось, что натянутые
с бешеной силой жилы жалобно скрипят и трескаются, но
ничто не в силах было остановить отца, спешащего на по-
мощь единственному ребёнку. Заворожённая Варя, как пти-
ца, раскинула руки и, выронив в пропасть красавицу куклу,
уже летела вслед за любимицей. Молниеносным движением
Даниил согнулся над бездной и, схватив за ногу дочь, с си-
лой дёрнул её назад, вырывая из цепких лап смерти, а сам
так и продолжил свой печальный полёт.

Скулящая женщина подхватила безвольную девочку и,
прижимая малышку к груди, разрыдалась навзрыд. Сколько
она так сидела, всхлипывая и качая в руках так и не проснув-
шуюся дочь, пока не услышала внизу шумный всплеск?

Даниил громко чертыхался, не оставляя отчаянные по-
пытки взобраться наверх. Наконец, пройдя вдоль обрыва и
цепляясь за торчавшие из земли корни, он нашёл более по-
логое место и сумел выбраться на высокий берег, на сочную

траву, к своей испуганной и дрожащей жене.

– Даша, ты меня слышишь? Очнись, дорогая! – тряс он за плечи хрупкую женщину, та, всё ещё прижимая ребёнка, сотрясалась в истерике.

– Прости, – размахнувшись, мужчина отвесил ей звонкую пощечину, и Даша мгновенно затихла. Подняв на мужа испуганные влажные глаза, женщина захлопнула рот и шумно всхлипнула

– Прости, – повторил он, виновато опуская взгляд, – но иначе никак... – Даниил забрал из её трясущихся рук спящую дочку и помог жене подняться.

– Пойдем в дом, утром надо вызвать милицию, – и, поймав удивленный взгляд всё ещё вздрагивающей Даши, пояснил, – там в глубине машина.

В доме, едва придя в себя, они уложили малышку с собой и, долго покрутившись в молчании, все вместе тревожно уснули. В остаток пугающей ночи оба раз за разом вздрагивали во сне, пытаясь избежать затягивающей пустоты страшных чёрных провалов на бледном разложившемся лице Варе.

На утро, едва разлепив воспалённые от ночного купанья глаза, Даниил позвонил в 02.

В молчаливом согласии семейство собрало пожитки и стало дожидаться стражей закона уже у машины. Варюша проснулась сегодня позже обычного. Вместо озорной улыб-

ки и детского счастья в васильковых глазах светилась печаль. Девочка словно замкнулась в себе и безмолвно сидела в машине, прижимая к груди ничуть не испачканную куклу. Даниил нахмурился. Разве не улетела находка ночью с обрыва вместе с..? Мужчина поёжился. Как обозвать неведомую сущность, он не придумал и решил просто её игнорировать. Скоро они уедут отсюда, и всё наконец-то закончится. Иско-ся глянув на жену, он грустно улыбнулся. Женщина держалась молодцом, и только чуть вздрагивающие тонкие пальцы и сжатые бледные губы выдавали её волнение.

Милиция, как всегда, не спешила, и семейству пришлось, оставив вещи в машине, вернуться назад в дом. На крыльце показалась настороженная соседка.

– Вы правильно сделали, что решили уехать. Не дай Гос-подь, беда с девчонкой приключится.

– Какая беда? – встрепенулась Даша, вперив тревожный взгляд карих потухших глаз в старушку.

– Дык, Мартын вчера всё поведал уж, – растерянно глянула та на мужчину и осторожно пересказала всё то, что Даниил уже слышал от плешивого деда.

– Ты всё знал и не сказал нам? – возмущенно воскликнула женщина. Глаза её вспыхнули праведным гневом. Даниилу, глядя сейчас в них, от стыда хотелось провалиться сквозь землю.

– Но, – промямлил он, не находя нужных слов, – Дашуль, это же бред, так не бывает.

– Ты в этом уверен? Даже сейчас? После всего? – гневно прервала его женщина, тот виновато опустил голову.

– Ночью что-то случилось? – всплеснула руками соседка, обернувшись к смирно сидящей на лавке Варюше. – То-то я смотрю, не то что-то с девкой. Сама не своя. А ну, молодёжь, рассказывайте, да не таить ничего.

Узнав о ночном происшествии и о чудовищной находке в реке, старушка понурилась.

– Уезжать вам надо до ночи. В опасности девочка. Да и куклу, проклятую... – соседку прервал громкий автомобильный гудок.

По телефону Даниил сумел объяснить, что обнаружил в реке затопленный автомобиль, и стражи закона примчались во всеоружии. Несколько патрульных машин сопровождали тяжелый неповоротливый кран. Дорогу к реке отыскивали легко. Оказывается, на поляну перед обрывам ведет заросшая старая грунтовка. Несколько часов ушло на расчистку дороги, ещё пару часов на извлечение из омута ржавой, облезлой, некогда белой семерки. Окна в машине были закрыты, что помогло скорбным останкам троих людей не развеяться и не затеряться в илистой пучине глубокой могилы. Определив время смерти и выяснив, что отдыхающее семейство не имеет отношения к давнему преступлению, их подробно опросили и наконец-то отпустили восвояси с подпиской о неразглашении. Ни к чему пока знать общественности о страшной былой трагедии.

Когда внедорожник вырулил на дорогу, уже заметно стемнело. Даниил напряженно таращился на вперёд, а Даша встревоженно поглядывала на дочь. Та, так же молча прижав к себе куклу, печально смотрела в окно.

– Варюш, что случилось, ты уезжать не хочешь? – голубые глазёнки метнулись на мать, и было в них столько боли и горя, что женщина поёжилась.

– Лили грустно, мамочка. – фарфоровое личико и впрямь вроде как-то осунулось, и поблёкло. Быстро глянув на игрушку, женщина улыбнулась.

– Всё хорошо, милая, не волнуйся, Лили с нами обязательно понравится, – Даниил посмотрел в зеркало заднего вида на дочь, и глаза его в страхе расширились. На одно мгновение ему показалось, что рядом с его прекрасной малышкой сидит уродливое ночное чудовище. Руль в руках дрогнул, и машина невольно вильнула. Даша вскрикнула и схватилась за дверцу.

– Извини, – промямлил Даниил, вглядываясь в пустое сиденье рядом с испуганной дочерью.

Дальше ехали молча. Дорога сверкающей лентой вилась под колесами, освещённая яркими фарами. В дрожащем свете суетливо мелькала ночная мошкара, оставляя следы своих расквашенных тел на лобовом стекле. Даниил расслабился и совсем потерял бдительность, когда глаза уперлись в призрачную белую фигуру, выросшую из ниоткуда перед самой машиной. Длинные костлявые руки, шевеля крючковатыми

пальцами, потянулись к окну. Алебастрово-белое лицо вытянулось в жуткую сюрреалистичную маску с тремя антрацитовыми провалами и уставилось, казалось, в самую душу. Время словно остановилось, мысли мужчины съёжились, замерли, увязая в паническом первобытном ужасе перед поусторонней тварью. Дикий утробный вой ударил по ушам, сметая весь лоск цивилизованности, накопленной человечеством веками. Жар окатил с головы до пят побледневшего мужчину, тот, раскрыв в панике рот, выкатил в ужасе глаза и, исступлённо вцепившись побледневшими пальцами в руль, судорожно его вывернул. Только тогда Даниил понял, что кричал он сам. Слетевший с дороги на полном ходу джип безжалостно закрутило. Скрежет железа смешался с истошными криками беспомощных жертв. Верх перепутался с низом, и, сминая тонкие деревца, неуправляемый зверь врезался в толстый ствол кряжистого старого дерева.

На их счастье вскоре на дороге показалась милицейская машина. Увидев съехавший с дороги покорёженный внедорожник, стражи закона мгновенно сориентировались и, вызвав по рации скорую, кинулись помогать пострадавшим. Даша с Варюшей отделались лишь царапинами, а вот Даниилу не повезло. Именно водительской стороной автомобиль врезался в дерево, и покорёженное железо прочно сдавило недвижимое тело. Из-за обилия крови спасатели не могли понять, насколько сильно ранен водитель и можно ли его во-

обще передвигать. Дождались МЧС и Скорую, и работа по спасению мужчины была возобновлена. Женщина глухо вышла и невольно путалась под ногами у спасателей. Поставив ей укол с сильным успокоительным, женщину аккуратно отвели в скорую, где испуганно сжалась в комочек на казённом сиденье Варюша. На руках девочки, как обычно, ютилась Лили.

Глава 6

Кап... Кап...

Она сидела на чём-то мягком в полной темноте. Где-то совсем рядом раздался тихий шорох и приглушённое хихиканье.

– Ты разбудила её!

Ледяные пальцы крепко вцепились в запястье, и сердце девушки прыгнуло к самому горлу.

– Открой глаза, – услышала она мягкий шёпот и поняла, что они действительно плотно сомкнуты.

Велиана подняла веки и удивлённо уставилась в небесно-голубые озёра. Ангельское личико белокурой малышки осветила счастливая улыбка.

– Я хочу жить! Ты мне pomoжeшь, правда? Она мне обещала... – надула прелестные губки девочка, только сейчас Лия увидела у неё в руках дорогую фарфоровую куклу. Кружевной чепец её кокетливо съехал на курчавую макушку, а в пышном платье затерялись тоненькие ручки хозяйки. Изумленно вскинув точёные брови, цыганка выдавила из себя

улыбку.

— Кто обещал? — пружинки светлых волос забавно подпрыгнули, когда малышка мотнула головкой, указывая себе за спину. Взгляд девушки переместился туда и утонул в жгучих глазах маленькой цыганочки. Покойная бабушка была сильной колдуньей, и, когда у внучки зимой открылся родовой дар, она явилась к ней в образе маленькой черноглазой девчушки. Дух сильной ведьмы стал проводником для молодой растерянной девушки в таинственный потусторонний мир за гранью.

Понимание горячей волной окатило всё тело, девушка отшатнулась назад и уперлась во что-то прочное и холодное. Она судорожно оглянулась, взгляд цепко скакал по деталям, отмечая увиденное. Дверь, плотно закрытые окна, мягкая широкая сидуха — это был салон автомобиля. И, судя по всему, отечественного. Взгляд метнулся назад, но вместо голубых наивных озёр наткнулся на почерневшие провалы гниющей плоти. Прекрасные кудряшки спутанной паклей нависали над потекшими детскими чертами некогда милого личика. Руки девушки взметнулись ко рту, глаза округлились, до краев наполняясь животным ужасом. Ноги резко обдало холодом. Девушка опустила взгляд и увидела, как ледяная вода неумолимо заливает салон. Велиана вскинула голову, но салон был уже пуст. Вертясь из стороны в сторону, она судорожно дёргала за ручки, с силой наваливалась на двери, но те даже не шелохнулись. Пыталась крутить стек-

лоподъёмники, но лишь исцарапала руки о вмиг проржавевшую сталь. Автомобиль быстро погружался в мутную воду, унося за собой невинную жизнь. Плавая в ледяной воде по самое горло, девушка отчаянно кричала и звала на помощь, что есть сил колотя в заднее окно, и вдруг что-то белое прильнуло к стеклу с той стороны. Какое-то светлое расплывчатое пятно. Лиана запнулась и, царапая остатками ногтей резиновую прокладку вокруг, обречённым взглядом упёрлась в безразличные пластиковые глаза фарфоровой куклы.

С криком ужаса, мокрая, как мышь, Лия подскочила в кровати. Ну и кошмар. Так ещё никто не просил у неё помощи. Где же искать эту белокурую девочку, так трагично расставшуюся с жизнью? А в том, что малышка мертва, девушка ничуть не сомневалась.

Лиана с отличием окончила третий курс медучилища и на лето с удовольствием вернулась в родовое гнездо на Цыганском бугре. Здесь, в окружении цветущей зелени, она иногда забывала, что находится в самом центре города Курска. Близилась практика в местной психиатрической больнице, и девушка пользовалась каждой минуткой, вбирая в себя бурлящую ауру родового гнезда. Ей нравилось нежиться на мягкой перине, целиком отдаваясь госпоже лени. Но, видимо, пришло время расстаться с ней и раскрыть свою душу навстречу чужому несчастью.

Глава 7

Окончательно пришла в себя Даша только в больнице. Да-

ниила увезли в реанимацию, а их с дочкой, тщательно осмотрев, отпустили домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.